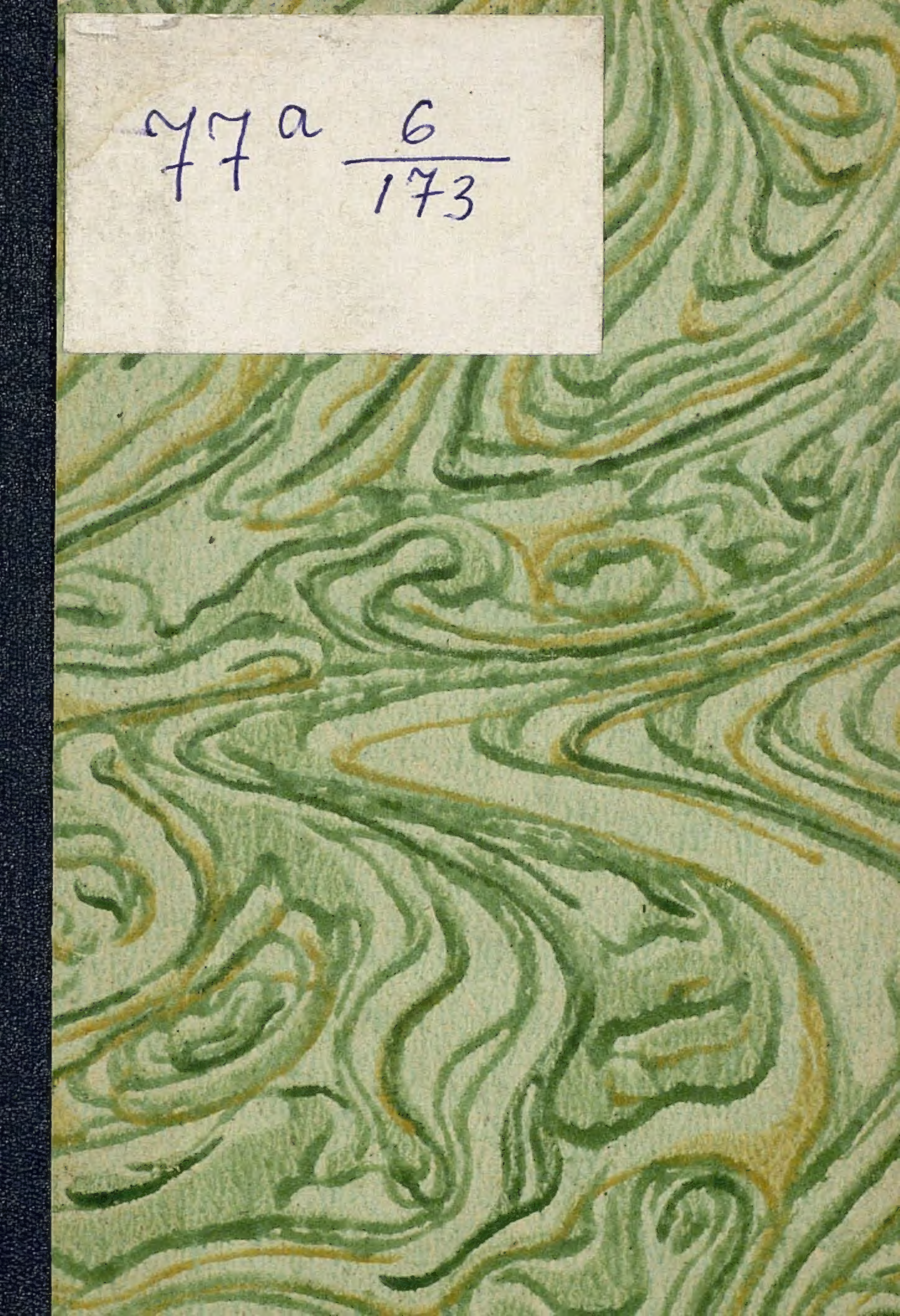


КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУДЪ и ВОЛЯ“.

Н. Ивановъ.

БУНТЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА

(Изъ русской старины).

Второе, заново переработанное изданіе.

Цѣна [illegible] коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Москва, М. Дмитровка, Дегтярный пер., д. 10.
Книжный складъ Д. П. ЕФИМОВА.

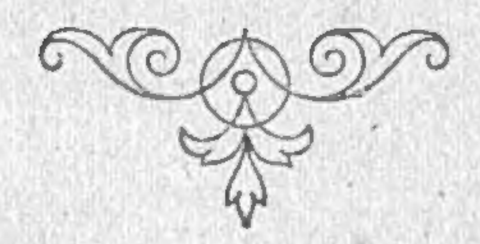
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУДЪ и ВОЛЯ“.

Н. Ивановъ.

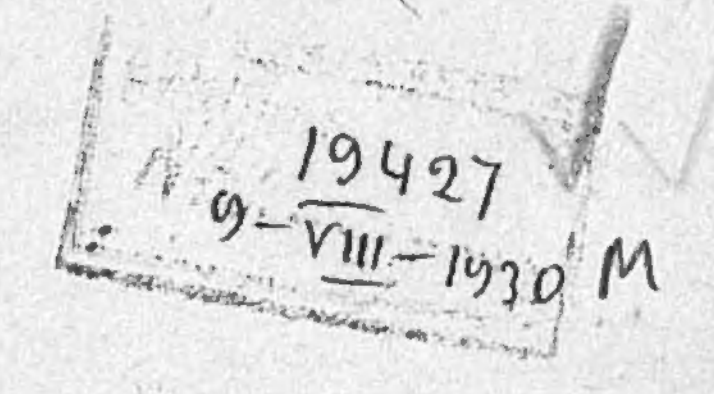
БУНТЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА

(Изъ русской старины).

Второе, заново переработанное изданіе.



СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Москва, М. Дмитровка, Дегтярный пер., д. 10.
Книжный складъ Д. П. ЕФИМОВА.



Тип. А. П. Поплавскаго. Москва.

ГЛАВА I.

Трудно жилось на Руси встарину. Русское государ-
тво, не окрѣпшее еще въ борьбѣ съ внѣшними врагами,
ѣснимое отовсюду безпокойными и жадными сосѣдями,
апрягало всѣ свои силы для того, чтобы отстоять свою
езависимость и поддержать свое существованіе. Двѣсти
ь лишнимъ лѣтъ стонала Россія подъ татарскимъ игомъ;
ь долгихъ страданіяхъ и униженіяхъ научилась она тому,
то въ единеніи—сила и спасеніе. Пока удѣльные князья
раждовали между собою, пока каждый изъ нихъ хотѣлъ
ыть выше всѣхъ и они оставляли другъ друга въ бѣдѣ—
рагъ безъ труда расправлялся съ ними по-одиночкѣ. Князь
нязю не хотѣлъ подчиниться добромъ и согласіемъ; родъ
раждовалъ съ родомъ, братъ съ братомъ, княжество съ
няжествомъ. Русь была какъ бы разобрана по прутикамъ
враги разламывали ее по частямъ. И поняли тогда умнѣй-
іе изъ князей, что спасеніе надо искать въ государствен-
омъ объединеніи Россіи; что надо создать одну единую
осударственную власть, собрать вокругъ нея всѣ земли,

подчинить ей всѣ удѣлы и, объединивъ всѣ силы русскаго народа, отстоять его отъ набѣогвъ, захватовъ и раздробленія.

Немалая была задача, за которую взялись московскіе князья. Надо было и русскую землю собирать, и отъ другихъ народовъ обороняться; надо было расходы большіе нести и для того подати большія собирать; надо было и служилыхъ людей найти, ихъ прокормить и во всемъ государствѣ правовой порядокъ поддержать. А законовъ настоящихъ еще не было, да и большинство народа,—и бояре, и дьяки, и воеводы, и купцы, и простой народъ, — не понимали, что такое законъ, что такое законное управленіе и въ чемъ оно состоитъ. Порядокъ-то всѣмъ былъ нуженъ, а какъ его устроить, никто не понималъ. Всѣ были темны и необразованы; ни письменнаго дѣла, ни ратнаго дѣла, ни государственнаго дѣла никто путемъ не зналъ и не понималъ. Управленіе бывало суровое и жестокое. Царь и воеводы вѣрили въ спасительность страха и не вѣрили въ спасительность свободнаго подчиненія; да и трудно было ждать такого подчиненія при несправедливомъ порядкѣ и народной темнотѣ.

Изъ вѣка въ вѣкъ ширилось и росло московское государство, укрѣплялось и упрочивало свою независимость. Но народу становилось жить все труднѣе. Не понималъ онъ своего положенія и не зналъ, какъ ему помочь. Въ темной страдѣ народъ терялъ порою терпѣніе и возлагалъ свои надежды на «бунтъ». Тамъ и сямъ вспыхивали народные бунты, малые и большіе; но положенія улучшить они не могли.

Бунтъ, самъ по себѣ, никогда народу не помогалъ, да и помочь не можетъ. Объявить себя «непокорнымъ»—дѣло

еткое; нарушить законъ, отказаться отъ повиновенія властямъ, что-нибудь разгромить, поджечь, можетъ быть, неcчастнымъ дѣломъ, изобидѣть кого-нибудь, или еще и убить— е значитъ еще перестроить жизнь по справедливости. то разрушилъ, тотъ еще не создалъ; а отъ разрушенія— эимые убытки всему народному хозяйству. Кто нарушилъ конъ—тотъ еще не установилъ новаго, справедливаго кона, да и установить онъ не можетъ: кто же его соглаится послушать, если онъ никѣмъ не уполномоченъ? Отзаться отъ повиновенія властямъ—не долго; но вѣдь для стройства жизни надо поставить новую власть, мудрую и конную, неподкупную и для всѣхъ равную: иначе кажый рѣшитъ про-себя, что ему «все можно», и вся жизнь ойдетъ вверхъ ногами. Изобидѣть сосѣда или убить мѣетъ всякій; но вѣдь пролитая кровь зоветъ къ наказаю, за убитаго могутъ найтись мстители—и пойдетъ горья междуусобица. Каждый у каждаго постарается лучшій усокъ урвать—и наступитъ общая смута и разрушеніе радость внѣшнихъ враговъ и на горе самому народу.

А ужъ особенно земельный вопросъ этимъ порядкомъ разрѣшить. Пытались земледѣльцы и въ Россіи, и въ угихъ странахъ добыть себѣ земли захватомъ, да не авалось никогда. Взять-то возьмутъ, а закрѣпить за бою по закону и не могутъ: не могутъ потому, что законъ допускаетъ захвата, а требуетъ, чтобы было все по зако. Какъ же можно, чтобы законъ утвердилъ то, что о т и в ъ него сдѣлано? Тогда это будетъ не законъ, произволъ, и его никто не станетъ уважать и «закрѣпленія» какого не выйдетъ. И приходилось захваченную землю задъ отдавать, а нерѣдко еще и кровью расплачиваться.

А совсѣмъ не закрѣпить землю по закону тоже нельзя. Если земледѣлецъ не можетъ быть увѣренъ, что законъ его посѣвы оградитъ и что по закону его урожай ему же и поступитъ,—то онъ и засѣвать поля не станетъ и сдѣлается повсемѣстный голодъ.

Вотъ этимъ-то и объясняется, что земледѣліе можетъ процвѣтать только тамъ, гдѣ есть твердый государственный правопорядокъ. Гдѣ пахарю и сѣятелю по закону обезпеченъ урожай, тамъ пахарь охотно пашетъ, а сѣятель спокойно сѣмена землѣ отдастъ. Нельзя быть народу земледѣльцемъ безъ государственнаго строя и безъ твердаго порядка; это подтверждается и исторіей народовъ, потому что всѣ первыя большія государства въ древности возникали тамъ, гдѣ народъ бросалъ кочевое настушество и начиналъ обрабатывать землю.

Чтобы ввести справедливое владѣніе землею, необходимъ государственный законъ; а для этого народъ долженъ участвовать въ выборахъ государственной власти и вести все переустройство по закону. Бунтъ не можетъ этого сдѣлать; бунтъ есть безпорядокъ, временное, бурное возстаніе. Бунтъ не есть революція. Революція ведетъ народъ къ участію въ государственной власти; она создаетъ по закону новый правовой строй и только въ началѣ своемъ свергаетъ старую власть. Революція есть борьба согласная, планомѣрная, организованная; она ведетъ къ новому, справедливому устройству жизни, а не къ разрушенію и кровопролитію. А бунтъ какъ мыльная пѣна: вспѣнится и растаетъ. Добра погибнетъ много; много крови прольется, а потомъ опять старая несправедливость и старый гнетъ.

Вотъ такъ было и съ бунтомъ Стеньки Разина.

ГЛАВА II.

Великія потрясенія постигли Русь въ 1670 году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Вся юго-восточная половина Россіи бунтовала и походила скорѣе на поле междуусобнаго сраженія, чѣмъ на мирную земледѣльческую страну. Изъ села въ село бродили партіи крестьянъ и шайки всякаго темнаго, бѣглаго сброда, грабили помѣщиковъ и нападали на города. Теперешнія губерніи Астраханская, Саратовская, Самарская, Симбирская, Нижегородская, Пензенская, отчасти Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Земля Войска Донскаго были вовлечены въ это бурное движеніе. Объявлялись «льготные годы», крестьяне переставали платить подати, жгли бумаги и судебныя дѣла. Правительство, не ждавшее напасти, посылало своихъ воеводъ съ войсками, — стрѣльцами и рейтарами, — укрощать непокорныхъ, и бояре-военачальники заливали страну потоками крови.

Глубоко коренились причины этого бунта. Чтобы понять это движеніе, названное по имени главнаго вожака «бунтомъ Стеньки Разина», надо посмотрѣть, какъ и чѣмъ жилъ тогда простой народъ и что за бремя давило его плечи.

Трудно было тогда русскому государству бороться за свое существованіе, а труднѣе всѣхъ, какъ всегда, приходилось простому народу. Правительство не умѣло облегчить ему бремя, а самъ народъ умѣлъ только или покоряться, или «бунтовать».

Въ то время весь русскій народъ можно было раздѣлить на два разряда: служилый и тяглый.

Тѣснимые со всѣхъ сторонъ другими народами, снач монгольскими, а потомъ, кромѣ того, нѣмцами и по ками, московскіе цари вели тяжелыя, оборонительныя, сятилѣтнія войны. Войны требовали, какъ уже сказа большихъ расходовъ, а расходы ложились всею тяжест на народъ. Внѣшнія дѣла поглощали больше внима и войско было чуть ли не главною заботою. Вой смѣняла войну, подати и налоги росли, и государство мо существовать только при томъ условіи, что подданные б крѣпко и прочно привязаны къ государству. При тако положеніи дѣлъ каждый человѣкъ разсматривался, к составная, служебная часть государства.

Крѣпко-на-крѣпко былъ онъ привязанъ къ своему го дарству. Интересы государства стояли на первомъ мѣс а интересы гражданъ отодвигались на послѣднее. П данный былъ обязанъ или службой, или повиненъ плат наложенныя на него подати, или и то и другое вмѣс Личность его была закрѣпощена государству, и выбит изъ этой крѣпости было очень трудно.

По роду повинностей и можно было раздѣлить р скій народъ на два разряда. Первый, служилый, былъ о занъ службой государству и получалъ за это вознаграж ніе—деньгами или помѣстьями. Второй былъ обязанъ п тить подати и находился въ полномъ подчиненіи у перва Такимъ образомъ, тяглый разрядъ платилъ государс тѣ деньги, которыя шли на государственные расход на содержаніе служилаго.

Посмотримъ, какова была жизнь того и другого.

Служилые люди не всѣ стояли въ одинаковомъ по женіи. Тѣ изъ нихъ, которые назывались «служилые

тву, представляли собою именитое чиновничество, котораго служба была въ то же время средствомъ питанія, а подчасъ и доходной статьей. Сюда принадле- бояре, засѣдавшіе въ царской думѣ и въ приказахъ, ьничіе и думные дворяне, и воеводы, сидѣвшіе по дамъ.

ти чиновники, служба которыхъ состояла въ управи государствомъ, получали въ видѣ вознагражденія у прочимъ и помѣстья, т. е. землю. Отъ земли они не- о и кормились, причемъ правительство заботилось о чтобы въ ихъ распоряженіи было достаточно крестьхъ рабочихъ рукъ. Кромѣ жалованныхъ имѣній, служе офицеры при отправленіи въ походъ получали жало- деньгами, а въ мирное время чиновники кормились воеводства.

рисутствовать въ думѣ на совѣщаніи съ царемъ при ніи важнѣйшихъ дѣлъ бояре назначались самимъ ца- но «не по разуму, а по великой породѣ», какъ гово- современникъ Котошихинъ. Многіе изъ нихъ были омъ неграмотны, всѣ до крайности честолюбивы. Родъ ступалъ роду, старшій - младшему, совершенно такъ, раньше удѣльные князья; всѣ называли себя «холо- государя» и ни одинъ не соглашался сѣсть за царъ столомъ ниже того, выше котораго по древности онъ себя считалъ.

акимъ образомъ, важнѣйшія дѣла рѣшались неграыми честолюбцами, а мѣстническая вражда ихъ вела нтригамъ и жалобамъ. Къ тому же каждый изъ нихъ ъ былъ поживиться, чѣмъ могъ. Извѣстны злоупоенія царскаго родственника, боярина Милославскаго,

укрывавшаго за взятки фальшивомонетчиковъ. Извѣс также, что въ 1648 и 1662 годахъ въ Москвѣ было два родныхъ бунта: народъ пытался расправиться съ ненав ными ему взяточниками изъ бояръ.

Не лучше было и въ другихъ городахъ подъ упра ніемъ воеводъ.

Воеводами назывались тогда царскіе чиновники, у влявшіе городами и уѣздами.

Воевода смотрѣлъ за порядкомъ и спокойствіемъ ввѣренномъ ему краѣ, судилъ гражданскія дѣла и сп изъ-за имущества и смотрѣлъ за правильнымъ посту ніемъ правительственныхъ доходовъ.

Трудно представить себѣ, какія притѣсненія и об чинили воеводы тяглымъ сословіямъ, особенно кре намъ. Тяглые люди должны были давать деньги на держаніе воеводы и его канцеляріи, и тутъ пріѣзжіе новники не знали мѣры и удержу. «Они грабили ин совершенно по-разбойничьи»,—говоритъ историкъ Кост ровъ. Напр., въ 1649 году въ Старорусскомъ уѣздѣ вода со своими людьми ѣздилъ по волостямъ, подвер крестьянъ разнымъ истязаніямъ и вымучивалъ у нихъ д ги: онъ учреждалъ пиры и звалъ къ себѣ подчиненны тѣ должны были подносить ему поклонное; а кто укло ся—за тѣмъ онъ посылалъ приставовъ, какъ за подс мымъ, и сажалъ въ тюрьму или отдавалъ на тяжелую р ту, отъ которой надо было откупаться. Наглость ихъ бенно была безмѣрна въ отдаленныхъ областяхъ... Въ т же году объ одномъ воеводѣ говорили, что онъ хо постоянно съ батогомъ въ полтора аршина длиною и палецъ толщиною и билъ людей, кого только встрѣ

улицѣ, приговаривая: я воевода такой-то—всѣхъ испод-
а выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта
видать и изъ тюрьмы не бывать.

Судъ воеводы чинили продажно; правъ оставался тотъ,
больше заплатитъ. Подати собирали съ принудой и
ями. Наказаніе неисправнаго плательщика называлось
ежомъ и было явленіемъ обычнымъ; воеводы постоянно
бѣгали къ тѣлесному воздѣйствію и подчасъ засѣкали
имщика. Извѣстно, что въ 1618 году бѣлозерскій вое-
побивалъ людей на-смерть.

Хищничество и насилія, взятки и притѣсненія—таково
о правленіе этихъ чиновниковъ, справедливо называв-
ся «кормленіемъ»: оно доставляло богатство воеводамъ,
рявшимъ народъ.

Немудрено, что отъ такого правленія люди разбѣгались
разныя стороны.

Къ разряду служилыхъ людей причислялись еще «слу-
ые по набору». Это были главнымъ образомъ рядовые
войскахъ, служившіе за жалованье: пѣшіе—стрѣльцы,
конные—рейтары. Стрѣльцы вербовались преимуще-
нно изъ «гулящихъ» людей, «не тяглыхъ, и не пашен-
ъ, и не крѣпостныхъ», «молодыхъ и рѣзвыхъ и изъ
паловъ стрѣлять гораздыхъ». Обученные, но недоучен-
ратному дѣлу, они жили особыми слободами и дѣтямъ
имъ передавали свое званіе по наслѣдству. Темные и
бразованные, буйные и самовольные, они всегда были
овы забыть, что они служатъ всему русскому народу и
дарству, перепиться, поднять бунтъ и неистовымъ обра-
ъ вмѣшаться въ государственныя дѣла, въ которыхъ они
темнотѣ своей ничего не понимали. Разныя придворныя

партіи искали опереться на нихъ, угодить имъ виномъ, подкупомъ и сдѣлать ихъ темнымъ орудіемъ своего корыс наго интереса. Немало было отъ того смуты и непоряд въ Москвѣ.

Посмотримъ теперь, какъ жилось тяглому сословію, в носившему на своихъ плечахъ тяжесть податей и налогов

Въ составъ тяглаго сословія входили торговые люди крестьяне.

Положеніе торговыхъ людей—купеческаго сословія—б ло сравнительно нехудо. Богатѣйшіе изъ нихъ имѣли во чины и крестьянъ. По городамъ купцы назывались поса скими, платили правительству большое тягло и пользов лись извѣстной долей самоуправленія.

Зато положеніе крестьянъ было очень тяжелое—и п мѣщичьихъ, и черносошныхъ, и дворцовыхъ.

Земля, которую обрабатывали помѣщичьи крестья принадлежала не имъ. Полновластными хозяевами ея б ли служилые люди-вотчинники и помѣщики.

Въ древнія времена крестьянинъ свободно переходи съ земли одного помѣщика на землю другого. Съ ка дымъ заключалъ договоръ: сколько земли занялъ и как оброкъ—деньгами и хлѣбомъ—обязывается платить зем владѣльцу. Такіе переходы были невыгодны помѣщи онъ никогда не былъ обезпеченъ нужнымъ ему коли ствомъ рабочихъ рукъ. И вотъ мы видимъ, какъ лѣтъ сто до описываемаго нами времени правительство на наетъ принимать мѣры къ тому, чтобы прикрѣпить крес янъ къ помѣстнымъ землямъ, запрещается переходъ переманиваніе ихъ помѣщиками другъ у друга. Правит ство устанавливаетъ разные сроки, въ теченіе котор

помѣщикъ можетъ вернуть на свою землю ушедшаго крестьянина; и, наконецъ, лѣтъ за 20 до этого времени, уничтожаетъ всякіе сроки для поимки бѣглыхъ: «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича окончательно прикрѣпило крестьянъ.

Въ то время тяглый человѣкъ не могъ жить на Руси вольно. Крѣпко надзирало за нимъ государство, ища прикрѣпить его и получить съ него подать. На чужомъ дворѣ, спасаясь отъ тягла да отъ службъ, недолго выживешь. Правительство отыскивало каждаго плательщика и преслѣдовало гулящихъ людей: либо къ помѣстью припишетъ, либо въ стрѣльцы заберетъ. Запишется вольный человѣкъ въ крестьяне самъ; тогда это значитъ, что онъ закрѣпился на-вѣки со всѣмъ потомствомъ господину, которому будетъ принадлежать тотъ участокъ, на который онъ сѣлъ. Закрѣпился—и сталъ крѣпостнымъ человѣкомъ. Повиненъ онъ тому помѣщику деньгами, натурой и службой. Господинъ смотрѣлъ на него, какъ на своего работника и имѣлъ надъ нимъ большую власть. Въ крѣпостной записи написано, что онъ можетъ продать его и заложить. Убѣжитъ крѣпостной—правительство поможетъ помѣщику вернуть его. Недаромъ, иностранцы, ѣздившіе въ то время по Россіи, писали, что русскій крестьянинъ находился въ рабствѣ у своего помѣщика.

И дѣйствительно, господинъ распоряжался имъ свободно. Могъ онъ продать его съ женою и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Все, что заработаетъ крѣпостной, помѣщикъ и его приказчикъ могли отобрать въ видѣ оброка, оставляя только на прокормленіе. По свидѣтельству иностранцевъ, помѣщикъ, убившій своего крѣпостного, рѣдко отвѣчалъ передъ судомъ. Помѣщикъ имѣлъ право взыскивать со

своего крѣпостного и наказывать его. Бывало такъ, чт крѣпостныхъ наказывали за провинности ихъ господин Въ довершеніе всего случалось, что крѣпостные двухъ п ссорившихся помѣщиковъ, угождая своимъ господамъ, би и грабили другъ друга. Жизнь становилась подчасъ дѣ ствительно невмоготу, и тогда помѣщичьи крестьяне ра бредались и бѣжали куда глаза глядятъ.

Не красна была жизнь владѣльческихъ крестьянъ; хуж еще была жизнь холоповъ.

Холопомъ встарину назывался человѣкъ, которы поступая въ услуженіе къ господину, чаще всего за долг давалъ ему на себя бумагу; въ этой бумагѣ значилось, чт онъ отдается ему въ холопство на время или на всегда. В первомъ случаѣ онъ назывался кабальнымъ холопом во второмъ—полнымъ. Холопы составляли дворню свое господина и находились въ еще болѣе тяжкой личной зав симости отъ него. Массами убѣгали они отъ своихъ го подъ, часто предпочитая голодать и выносить преслѣдова нія, чѣмъ исполнять свое тяжелое обязательство.

Тяжела была жизнь и черносошныхъ крестьянъ, т. такихъ, которые, не принадлежа помѣщикамъ, были пр писаны къ городамъ и несли государственныя подати. Не смотря на нѣкоторую долю самоуправленія, которою он пользовались, имъ приходилось терпѣть и отъ воевод на содержаніе котораго они давали вмѣстѣ съ посадским деньги, и отъ самихъ посадскихъ, городского купечеств которое было не прочь свалить на черносошныхъ часть по датного бремени. А подати были тяжелыя: до восемнадцат разныхъ видовъ повинностей деньгами и натурой отбывал

постоянно тяглые люди. Кромѣ того, когда велась война, собирали съ тяглыхъ пятую, десятую и двадцатую деньгу. А тутъ еще воевода наѣдетъ, начнетъ насильничать да обирать, да вмѣсто выборныхъ земскихъ старостъ за взятки дурныхъ людишекъ поставитъ. И отъ всего того крестьянамъ убытокъ и разоренiе. Случалось, что воеводы взимали подати два раза и за неисправность опять били на правежѣ.

Возможность безнаказанно грабить народъ была куда какъ заманчива, а правительство поддерживало эти злоупотребленiя воеводъ. Историкъ Соловьевъ разсказываетъ, напр., о томъ, какъ въ царствованiе Алексѣя Михайловича жители Кайгородка отказали воеводѣ Волкову въ царскихъ денежныхъ доходахъ, приходили на воеводу, хотѣли его убить и отказали отъ воеводства. Правительство послало ему на помощь сотню стрѣльцовъ, и дѣло кончилось висѣлицами и пытками. И такiе случаи повторялись постоянно. Подчиняясь силѣ, крестьяне занимали для уплаты деньги за большiе проценты и разорялись въ конецъ.

Не лучше было положенiе дворцовыхъ крестьянъ, которые были обложены оброками на всякiе дворцовые расходы. Посаженные тамъ управители—дворцовые приказчики—грабили крестьянъ не хуже воеводъ. Въ 1647 году, напр., въ селѣ Дуниловѣ приказчикъ бралъ взятки, чинилъ поборы, а не платившихъ билъ на правежѣ, сажалъ въ подполье, а зимой въ одной рубахѣ сажалъ въ холодное помѣщенiе. Бралъ холстомъ, сукнами, отдавалъ насильно крестьянскихъ дѣвушекъ замужъ и не зналъ удержу. Взятки и поборы—таково было управленiе въ дворцовыхъ селахъ, какъ и вездѣ. «Удивительно,—говоритъ иностранецъ

Флетчеръ,—какъ люди могутъ выносить такой порядокъ и какъ правительство, будучи христіанскимъ, можетъ быть имъ довольно».

ГЛАВА III.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ же народъ выносилъ такой порядокъ? Отъ тяжелыхъ налоговъ, отъ правежа и беззаконнаго правленія народъ бѣжалъ. Трудно было бѣглому безпристанному человѣку. По всей странѣ шелъ сыскъ бѣглыхъ. Въ 1658 году вышелъ прямой приказъ переписать всѣхъ бобылей и «гулящихъ» для обложенія ихъ податью. А такихъ людей, не знавшихъ, какъ помочь бѣдѣ и не хотѣвшихъ больше терпѣть ее становилось все больше. Еще въ началѣ столѣтія цѣлыя области отмѣчались запустѣвшими. Теперь побѣги умножились. Убѣгали со службы солдаты. и, не возвращаясь домой, шатались изъ уѣзда въ уѣздъ. Бѣжали холопы, бѣжали крестьяне дворцовые, помѣщичьи и черносошные. Бывало, что въ челобитныхъ (прошеніяхъ), которыя населеніе подавало царю съ жалобами на воеводъ и служилыхъ людей, просьбы объ облегченіи податей прямо сопровождались обѣщаніемъ, что жители разбѣгутся, куда попало.

Противъ побѣговъ правительство принимало мѣры. Оно разсылало всюду своихъ сыщиковъ, которые занимались ловлей бѣглецовъ и водвореніемъ ихъ на мѣсто. Узнавъ по слуху, что въ такомъ то уѣздѣ много бѣглыхъ, сыщикъ являлся туда и приказывалъ выкликать на торгахъ и базарахъ, чтобы всѣ. облеченныя властью, чища ловили бѣг-

хъ и приводили. Поймпшаго били кнутомъ и возвращали на мѣсто.

Ни народъ, ни правительство не знали, какъ помочь бѣдѣ, и не умѣли этого сдѣлать. Народъ не понималъ, что бѣгство не поможетъ, а только приведетъ отъ извѣстной бѣды къ семи неизвѣстнымъ бѣдамъ. Бѣжать не значитъ исправить дѣло: всѣмъ все равно не убѣжать, а общій, всенародный интересъ можно отстоять только по закону. Бѣглецъ спасаетъ свою шкуру и думаетъ только о себѣ; до другихъ ему дѣла нѣтъ; онъ не понимаетъ, что его бѣда не только его бѣда, а всенародная, и что помочь такой бѣдѣ можно только черезъ государственное переустройство.

И правительство не понимало, что такими мѣрами болѣзнь не вылечишь. Корень всякой болѣзни лежитъ глубоко, въ разстройствѣ самого организма; нельзя лечить одни поверхностныя явленія, видныя съ перваго взгляда. Нужно было приступить къ коренному переустройству жизни, а сыскъ и кнутъ могли только вглубь загнать недугъ народной жизни.

Такъ и происходило. Мѣры строгости не помогали. Одни бѣглые объявляли себя «непомнящими родства», другіе, потерявъ все и ожесточившись, уходили въ лѣса и составляли разбойничьи шайки.

Еще тяжелѣе становилось отъ разбойниковъ и ихъ нападеній тяглымъ, сидѣвшимъ на мѣстахъ. Одни села, побогаче, откупались отъ озлобленныхъ головорѣзовъ, другія обращались къ правительству за защитой. Являлись солдаты защищать и за это обрушивались тяжелыми побо-

рами на голову крестьянъ: защитники обирали защищаемыхъ, а по уходѣ ихъ разбойники довершали разореніе.

Число бѣглыхъ все росло, и ничто не помогало. Правительство дѣлало попытки вооружить самихъ крестьянъ для отраженія разбойниковъ, посылало войска, казнило пойманныхъ. Разбойники бѣжали тогда изъ среднихъ областей на окраины и тутъ сплачивались въ дружины. Они бѣжали туда, гдѣ глуше лѣса или просторнѣе степи, гдѣ рѣже населеніе, гдѣ легче уйти отъ погони и спастись отъ преслѣдованія. «Въ 1665 году замѣтили,—говоритъ Костомаровъ,—что преслѣдуемые такимъ образомъ удальцы бѣгутъ преимущественно въ низовья Волги; туда приходили бродяги изъ Воронежа, Шацка, Ельца и другихъ мѣстъ какъ-будто ища сборнаго пункта».

Вся Россія была въ движеніи. Оно, правда, еще не имѣло вида начавшагося бунта, но скопленіе бѣглецовъ и преслѣдованіе ихъ должны были содѣйствовать ихъ объединенію и приблизить наступленіе бѣды.

Дремучіе лѣса на Волгѣ и широкія степи Дона могли сдѣлаться убѣжищами для всѣхъ тѣхъ, кто бросилъ свое осѣдлое жилище. Сюда шелъ всякій, потерявшій терпѣніе и не нашедшій въ себѣ ни пониманія, ни умѣнія, ни воли помочь горю. Всѣ обиженные; всѣ неустойчивые; всѣ страдавшіе отъ неправды, но не знавшіе, какъ съ нею бороться; всѣ непосѣдливые; сбившіеся съ круга и искавшіе приключенія; наконецъ, всѣ не понимавшіе, что такое государство, къ чему оно, и не хотѣвшіе нести государственное тягло,—всѣ сходились и сбѣгались сюда, отыскивая кто простора для своей удали, кто богатства и сытости, что дается безъ труда, кто просто пристанища. Здѣсь-

то, среди казаковъ, на Дону и на Волгѣ и вспыхнуло то движенiе, которое носитъ названiе «бунта Стеньки Разина», но которое не создалось имъ, а только объединилось вокругъ его имени и его приключенiй.

Это движенiе было съ самаго начала обречено на неудачу уже по тому одному, что это былъ «бунтъ», т. е. безпорядочное, лишенное единой цѣли и единаго плана, хаотическое движенiе. Въ немъ не было ни организацiи, ни сознательности, ни единства. Правда, въ немъ было много участниковъ, но каждый изъ нихъ не понималъ, что дѣло его есть единое и общее дѣло съ другими. Каждый преслѣдовалъ исключительно свое благо и свое облегченiе; другiе были ему лишь временными сообщниками, случайными спутниками, которыхъ онъ быстро терялъ и съ которыми не сговаривался. И, главное, все это движенiе было безсильно создать новый порядокъ и укрѣпить новый строй. Захватчикъ оставался захватчикомъ и не зналъ, гдѣ тотъ путь, который дѣлаетъ человѣка гражданиномъ.

ГЛАВА IV.

Еще за полтораста лѣтъ до описываемыхъ событiй спасались бѣглые люди въ степи. Они образовывали здѣсь общины, заселяли окраины и признавали надъ собою власть московскихъ царей; но признанiе это оставалось больше на словахъ: оно поддерживалось лишь постольку, поскольку общины видѣли отъ этого кое-какую выгоду. Называли они себя казаками, селились по большимъ рѣкамъ—Днѣпру, Дону, Волгѣ, Яику и занимались мирнымъ промысломъ, а зауряд̆ъ и грабительскими набѣгами.

Въ смутное время, въ началѣ 17-го столѣтія, когда
Россіи было междуцарствіе, шайки разбойничьихъ ка
ковъ широко разбрелись по всей Руси, становясь въ ря
той стороны, которая больше платила и давала служилы
больше воли. Эти продажныя шайки грабителей нисколь
не содѣйствовали устраненію смуты, а, наоборотъ, пи
ли ее своими похожденіями и сами кормились ею. П
царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ донскіе казаки присягну
московскому царю и обѣщали не нарушать порядка р
боями и нападеніями на сосѣдей.

Но трудно было унять обѣщаніемъ людей, привы
шихъ своевольничать, и правительство напрасно старало
превратить южныхъ казаковъ въ военное сословіе, а бр
дячія шайки бѣглыхъ побудить къ осѣдлой жизни. Ра
выбившись изъ колей и превратившись въ искателей пр
ключеній, люди не хотѣли жить осѣдлымъ трудомъ и б
покойный духъ гналъ ихъ бродяжничать.

Присягнувшее казачество скоро раздѣлилось на д
партіи: одни хотѣли оставаться вѣрными своему обѣщан
и дѣйствительно обзавестись постояннымъ жильемъ и х
зяйствомъ; другіе влеклись къ безпокойной жизни и пр
должали считать себя, несмотря на присягу, независимы
Въ смутное время ряды казачества пополнились множ
ствомъ разбѣжавшихся отъ своихъ господъ крестьянъ
холоповъ, которыхъ теперь уже нельзя было вернуть
старому укладу. И съ тѣхъ поръ, съ учащеніемъ поб
говъ, число вольныхъ, или, какъ ихъ называли, вор
скихъ казаковъ все росло. Вся голытьба, шатавшаяся
Руси безъ пристанища и осѣдлости, укрывавшаяся о

преслѣдованій въ лѣсахъ и тяготѣвшая къ праздной жизни и наживѣ, находила себѣ пріютъ и мѣсто на Дону.

Тяжелый недугъ неустройства, подтачивавшій народную жизнь, то-и-дѣло выбрасывалъ толпы бѣглыхъ и гулящихъ людей изъ средней Россіи на окраины. Сюда шли и обиженные, и тѣ, что были мастерами другихъ обижать; и тѣ, что не нашли себѣ мѣста въ жизни, и тѣ, которые его потеряли; и пропойцы, и шатуны, и забубенныя головы.

Связанные общей бѣдою и общимъ убѣжищемъ, казаки охотно принимали бѣглыхъ и никогда не выдавали ихъ. Всѣ жили какъ бы за круговою порукою; часто въ ссорахъ и въ междуусобныхъ столкновеніяхъ, но всегда въ полной и безпорядочной свободѣ; часто въ нищетѣ и впроголодь, но съ соблюденіемъ грубаго и упрощеннаго равенства.

Всѣ дѣла рѣшались здѣсь радой - общей всенародной сходкой (вродѣ старо-русскаго вѣча) - подъ открытымъ небомъ. Каждый членъ общины могъ участвовать въ ней и заявлять свое мнѣніе, подавать свой голосъ. Объявляется ли походъ, пріѣзжаетъ ли посольство изъ Москвы или изъ Турціи, заключается ли договоръ, выбирается ли посольство отвѣтное или атаманъ, происходитъ ли судъ или дѣлежъ добычи—все рѣшаетъ общее собраніе казаковъ, все вѣдаетъ община въ цѣломъ. Община дѣлилась на десятки и сотни съ выборными сотскими и десятскими во главѣ. Все имущество,—награбленная добыча или присланные дары,—распредѣлялось поровну.

Эти буйныя ватаги, оторванныя отъ родины, не умѣли различать врага отъ друга и готовы были поживиться и на

счетъ иноземныхъ сосѣдей и на счетъ своего брата, русскаго человѣка. Они находились въ состояніи какъ бы непрерывной войны и могли объявить себя при случаѣ врагами московскаго царя. Московское правительство понимало эту опасность и всегда старалось считаться со своей бунтующей окраиной, поддерживая съ нею миръ и дѣлая ей уступки. Изъ Москвы къ казакамъ наѣзжали послы съ грамотами, съ дарами, припасами и жалованьемъ, и посольства эти встрѣчались обыкновенно съ радушнымъ гостепріимствомъ.

Однако и къ нимъ среди казаковъ бывало различное отношеніе. Казаковъ дѣлили тогда на «домовитыхъ» и «голутвенныхъ», то-есть на такихъ, которые сумѣли обзавестись хозяйствомъ и даже разбогатѣть, и такихъ, которые пропивали всегда все свое достояніе и оставались опять неимущими; къ неимущей голытьбѣ присоединялись и вновь прибывшіе бѣглецы. Домовитые казаки являлись партіей благоразумной: они догадывались о своемъ значеніи для Москвы и сами дорожили ея милостями и вниманіемъ. Голутвенные ничѣмъ не дорожили, кромѣ своей безудержной жизни; терять имъ было нечего, и они всегда готовы были кинуться въ какую-нибудь новую, безшабашную затѣю. Единственно, о чемъ они заботились, это о равномъ раздѣлѣ добычи да еще о томъ, чтобы найти удалого атамана.

Ясно, что, разъ начавшись, броженіе должно было найти именно въ этой части донскихъ казаковъ благодарную почву. Ряды ихъ всегда пополнялись новыми бѣглецами, приносившими съ сѣвера свѣжія вѣсти о новыхъ обидахъ. Не привязанные къ мѣсту недвижимостью или трудолюбіемъ, закаленные въ бѣгахъ и жадные до добычи, рѣшив-

ніе разъ навсегда, что никому ни въ чемъ запрета нѣтъ и что все всѣмъ можно, эти люди всегда готовы были пуститься въ рискованное предпріятіе, повоевать, пограбить и, вспомнивъ старыя обиды, выместить ихъ на первомъ встрѣчномъ, не разбирая праваго и виноватаго.

Стоило только появиться человѣку съ твердою волею и съ предпріимчивымъ характеромъ, чтобы умѣлъ онъ приказывать голутвенной черни и держать ее подъ своимъ началомъ, чтобы соединялъ онъ въ себѣ храбрость и жестокость съ разсчетливою ловкостью, чтобы умѣлъ онъ внушать довѣріе этому лихому сброду — и движеніе естественно должно было разгорѣться. Нужно было, чтобы онъ сумѣлъ объединить разрозненныя дружины и вдохнуть нѣкоторое единство въ ихъ замыслы—и вся эта разношерстная и часто нетрезвая толпа могла превратиться въ силу, опасную не только купцамъ и ихъ караванамъ, не только туркамъ и персамъ, но и большимъ городамъ Россіи.

Масса голутвенныхъ казаковъ была готова для бунта, какъ сухой валежникъ для огня: стоило упасть искрѣ — и пожаръ долженъ былъ вспыхнуть неминуемо. Этотъ пожаръ, какъ всякій пожаръ, могъ, конечно, только сжечь и разрушить; онъ могъ опустошить и напугать, но онъ не могъ ничего создать и перестроить. Разрушеніемъ, никто никогда не создаетъ новаго порядка. Тѣмъ болѣе въ разрушеніи нельзя найти справедливости и справедливаго устройства: ибо справедливое можно обрѣсти только въ спокойномъ и добросовѣстномъ исканіи, но не въ пожарѣ мстительныхъ и корыстныхъ страстей. Бунтъ могъ только испугать; а страхъ—плохой совѣтчикъ: онъ зоветъ къ самооборонѣ, къ мести и крови, и взявшій мечъ находитъ свой горькій конецъ отъ меча,

ГЛАВА V.

Былъ въ то время на Дону казакъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ. Это былъ человѣкъ смѣлый, предпріимчивый, съ сильною и властною волею. Онъ былъ невысокаго роста, но крѣпкаго тѣлосложенія, съ повелительнымъ взглядомъ и большою физическою силою. Одна внѣшность его внушала тотчасъ готовность повиноваться. Его цѣльная и широкая натура не знала препятствій на своемъ пути, не знала колебаній и не позволяла ему останавливаться ни передъ какими средствами. Что бы ни дѣлалъ Разинъ, онъ во всемъ шелъ до конца и отдавался цѣликомъ своему настроенію: онъ былъ способенъ и щедро одарить человѣка, и предать его самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ пыткамъ; широкій и дикій разгулъ не мѣшалъ ему превращаться, когда было нужно, въ суроваго и неумолимаго начальника. По преданію, онъ всегда готовъ былъ заступиться за обиженнаго простолюдина. Холопъ ли, крестьянинъ или казакъ всякій, кто терпѣлъ притѣсненіе, находилъ въ немъ своего заступника. Разинъ не судилъ обидчика и не заботился о примиреніи его съ обиженнымъ: онъ просто предавалъ его немедленной казни безъ дальнихъ опросовъ и разговоровъ. «Это былъ, по словамъ Соловьева, истый казакъ, одинъ изъ тѣхъ стародавнихъ русскихъ людей, которымъ обиліе силъ не давало сидѣть дома и влекло въ вольные казаки, на широкое раздолье, въ степь, или на другое раздолье море, или по крайней мѣрѣ на Волгу матушку». Обиліе силъ и неумѣніе приложить ихъ къ настоящему дѣлу; широкая натура и неспособность руководить ею; крѣп-

кая воля и неопредѣленная, часто случайная и вздорная цѣль,—вотъ характеръ такого человѣка. Странное сочетаніе добродушія и щедрости съ жестокостью и жадностью. Вѣчное исканіе равенства и свободы и готовность стать деспотическимъ вожакомъ, безпрекословнымъ повелителемъ темнаго народа.

Въ этомъ человѣкѣ соединялось все нужное для того, чтобы привлечь къ нему толпу голутвенныхъ казаковъ, расположить сердца бѣглаго люда и бросить людей подъ его начало. Онъ вышелъ самъ изъ той массы, которая поставила его у себя во главѣ и охотно подчинилась его слову. Люди, признавшіе его своимъ атаманомъ, искали той же смутной, беззапретной свободы, какъ и онъ самъ, и осуществляли эту свободу въ грабежѣ и разбоѣ. Они искали того смутнаго, недостижимаго равенства, которое водворяется на минуту при дѣлежѣ добычи и быстро исчезаетъ, какъ только люди начинаютъ распоряжаться добычей -всякій по-своему. Они искали того «новаго порядка», который изливался у нихъ въ вѣчный, непрекращающійся безпорядокъ, въ смутное, безпредметное волненіе безъ конца. Они всегда готовы-были протестовать противъ насилій и несправедливости; но свою жизнь строили именно на несправедливости и насиліи. Они какъ-будто сговорились поддерживать равенство и справедливость промежъ себя, но добывали это цѣною насилій надъ другими и грабежа. Обиды и притѣсненія породили въ ихъ душахъ чувство неумолкающаго протеста, но сами они могли только продолжать тѣ притѣсненія и обиды, противъ которыхъ протестовали. Государственнымъ поборамъ и злоупотребленіямъ чиновниковъ они умѣли противопоставить только

разбойничьи поборы и злоупотребленія. Они сами могли только продолжать то дѣло,—дѣло взаимной неправды,—противъ котораго бунтовали. Ихъ бунтъ былъ не борьбою противъ стараго порядка,—за новый; ихъ бунтъ былъ болѣзненною, нецѣлесообразной судорогою, отъ которой только увеличивалось количество горя, страданія и неправды на Руси. Они шли противъ дурно устроеннаго порядка; но порядокъ этотъ былъ все-же государственный: онъ имѣлъ свою постоянную и необходимую цѣль. Надо было объединить Русь, оградить ее отъ сосѣдей и обезпечить ей мирную жизнь и спокойное развитіе. Голутвенные казаки и бѣглые являлись на Русь, какъ пасынки, обиженные и отвергнутые, но цѣль ихъ была не общая, не народная, а личная и корыстная: они искали мести и наживы, а не переустройства государственной жизни. Темная волна движенія несла за собою темныя души и будила въ нихъ темныя чувства.

Понятно однако, что эта волна несознательнаго и корыстнаго бунта должна была встрѣтить могучій отзывъ среди крестьянъ и холоповъ, жившихъ осѣдло на мѣстахъ. То, что было для однихъ разбойнымъ похожденіемъ, то вызывало въ другихъ смутную надежду на улучшеніе жизненнаго строя. То, что одни творили как лихой бунтъ и безпорядокъ, на то другіе отзывались какъ на приближеніе новаго порядка. «Бунтъ Стеньки Разина» совмѣстилъ въ себѣ двѣ волны, два различныхъ движенія: грабежи и нападенія казаковъ вызвали къ жизни глубокое волненіе среди трудолюбивыхъ крестьянъ, стонавшихъ подъ неправеднымъ гнетомъ воеводъ и крѣпостного права. Слухи, носившіеся по Руси изъ конца въ конецъ, заставляли крестьянъ надѣ-

яться на то, что избавленіе придетъ откуда-то помимо государства; что можетъ явиться какой-то народный герой, богатырь, который все сумѣетъ, который пойметъ всю тяготу народной жизни и перестроитъ всю жизнь по-новому. Слухи вызывали въ легковѣрныхъ и темныхъ душахъ вѣру въ какую-то помощь, которая придетъ отъ новаго, народнаго «царя»,—не то «царя», не то «разбойника»,—и положитъ конецъ всякой несправедливости. Не разъ отзывался русскій народъ на эти темные слухи; не разъ заражался этою темною надеждою; и каждый разъ ничего не оправдывалось.

Не понималъ тогда народъ, что государственное неустройство можно починить только въ порядкѣ государственномъ; т. е. что нуженъ новый законъ о новомъ устроеніи. И, не понимая этого, народъ вѣрилъ всякимъ «грамоткамъ», подметнымъ письмамъ и прокламаціямъ, которыя обѣщали то новаго «царя», то героя-бунтовщика. И каждый разъ тотъ новый «царь» оказывался пройдохой-самозванцемъ, а герой-бунтовщикъ — предпріимчивымъ разбойникомъ. Корыстные люди дразнили народъ корыстными зовами; и, вѣря имъ, народъ подымался громилъ и жегъ, творилъ расправы и «захваты»; потомъ мнимые герои исчезали, а разгорѣвшаяся междуусобная война вела къ разоренію и кровавымъ жертвамъ.

Такъ было и съ бунтомъ Стеньки Разина. Отзываясь на разбойное движеніе голутвенныхъ казаковъ, крестьяне начали свое движеніе, свой «бунтъ», которымъ Стенька уже не могъ руководить, но который онъ разжигалъ себѣ на подмогу, чтобы отвлечь отъ себя стрѣльцовъ и рей-

таръ. Эти двѣ волны соединились вмѣстѣ и образовали то безпорядочное, кровавое возстаніе, которое носитъ въ исторіи названіе «бунта Стеньки Разина».

ГЛАВА VI.

Существуетъ разсказъ, будто Разинъ поклялся отомстить боярамъ и воеводамъ послѣ того, какъ воевода Долгорукій повѣсилъ за ослушаніе его старшаго брата. Неизвѣстно, вѣрно ли это преданіе. Бунтъ могъ вспыхнуть и безъ всякихъ «личныхъ» рѣшеній и обѣщаній. Толпы ждали своего вождя, а широкая натура Разина, его умъ, сила и ловкость должны были быстро выдвинуть его на мѣсто атамана.

Такъ или иначе, но широкая извѣстность Разина начинается съ 1667 года,—съ того времени, какъ астраханскіе воеводы получили царскую грамоту, въ которой государь писалъ между прочимъ слѣдующее: «Въ Астрахани и въ Черномъ Яру живите съ великимъ береженіемъ: на Дону собираются многіе казаки и хотятъ итти воровать (т. е. грабить) на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ; во многіе донскіе городки пришли съ Украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, а оттого теперь на Дону голодъ большой». Такъ писалъ царь въ Астрахань; а на Дону дѣйствительно объединялась казацкая голытьба, и начальство надъ ней принялъ Разинъ.

Въ то время главнымъ городомъ на Дону считался Черкасскъ, и былъ тамъ атаманомъ глава домовитыхъ казаковъ, пребывавшихъ въ вѣрности царскому правительству,

ушило Яковлевъ. Хотѣлъ Разинъ спуститься со своей агой по Дону мимо Черкасска въ Азовское море и побить турецкіе берега, добыть себѣ славу ратную и наъ добычи. Да не пустили его домовитые казаки. Выходъ море оказался закрытъ, и повернула голытьба въ дру- сторону.

Поплылъ Разинъ на четырехъ стругахъ (судахъ) вверхъ Дону и въ отместку погромилъ дома богатыхъ казаъ; оказали ему тутъ помощь воронежцы порохомъ и нцомъ, и поплылъ Стенька дальше.

Приплылъ онъ къ мѣсту, гдѣ Донъ съ Волгой ближе го сходятся, и заложилъ свой станъ близъ городка Пана. Здѣсь было привычное мѣсто сборищъ вольныхъ аковъ. Было это въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и станъ былъ окруъ полой водой.

Узналъ о прибытіи его царицынскій воевода и послалъ Паншину пять человѣкъ для развѣдки. Ни съ чѣмъ нулись развѣдчики. Узнали только отъ паншинскаго мана, что Разинъ насильно отобралъ у него разные асы и грозитъ расправиться съ Царицыномъ, если ему воды мѣшать будутъ. Послалъ воевода еще двухъ дуныхъ съ грамотой и уговорами, но и тѣ не добрались станъ.

А между тѣмъ ватага Разина устроила у себя казац- управленіе, Стеньку самого сдѣлали атаманомъ, разились на сотни и десятки, потомъ перешли на Волгу стали поджидать добычу.

Показался съ сѣвера по Волгѣ караванъ судовъ; тутъ и суда и казенныя, и патріаршія, и частныхъ купцовъ,

а на одномъ стругѣ везли ссыльныхъ въ Астрахань; пр
караванѣ былъ отрядъ стрѣльцовъ для охраны.

Напалъ Разинъ на суда со своею тысячью казако
и овладѣлъ караваномъ. Стрѣльцы не стали сопротивлят
ся и передали своихъ начальниковъ въ руки Стенькин
Разинъ велѣлъ перебить всѣхъ начальниковъ, а купцо
или на мачтахъ повѣсилъ, или въ Волгѣ утопилъ. Пото
освободилъ ссыльныхъ и объявилъ всѣмъ стрѣльцамъ
рабочимъ, чтобы они доброю волею къ нему присоедин
лись и шли въ «казаки». И всѣ рабочіе и стрѣльцы пр
стали къ разбойникамъ.

Поплылъ Разинъ внизъ по Волгѣ къ Царицыну уж
на тридцати судахъ. Хотѣлъ воевода встрѣтить его пушк
ми, да порохъ не годился, и пришлось ему исполнить треб
ваніе Разина: отправилъ онъ ему наковальню, мѣхи
кузнечную снасть.

Въ концѣ мая приплыли казаки къ городку Черно
Яру. Было у Разина 1500 человѣкъ, и не рѣшились черн
ярцы вступить съ ними въ бой. Тутъ его вскорѣ встрѣтил
воевода Беклемишевъ, приплывшій его усовѣщевать. Взял
его Разинъ, обобралъ, велѣлъ его плетьми высѣчь и отп
стилъ въ Астрахань; при этомъ три астраханскія суд
со стрѣльцами опять пристали къ его дружинѣ.

Выплыла потомъ ватага въ Каспійское море и приплы
къ устью рѣки Яика, гдѣ ихъ уже ждали единомышлен
ки. Атаманъ спряталъ свою дружину, а самъ взялъ н
сколько человѣкъ и пошелъ проситься въ городокъ Яи
притворяясь, что хочетъ «Богу помолиться». Пустилъ е
стрѣлецкій голова и затворилъ ворота. Тогда мнимые бог
мольцы сами отворили ихъ и впустили въ городъ всю ша

ку. Овладѣвъ городомъ, Разинъ казнилъ стрѣлецкихъ начальниковъ, а такъ какъ въ Яикѣ были стрѣльцы, вѣрные присягѣ, то онъ казнилъ и ихъ, а прочихъ отпустилъ. Но потомъ, видя, какъ нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно направились въ Астрахань, онъ сообразилъ, что сдѣлалъ ошибку, что, отпуская стрѣльцовъ, онъ увеличиваетъ этимъ силы своихъ враговъ, догналъ ихъ и расправился съ ними. Въ Яикѣ Разинъ обосновался. Отсюда онъ ходилъ походомъ на татаръ, жившихъ въ устьѣ рѣки Волги, и ограбилъ мимоходомъ одно турецкое судно; здѣсь казаки и зимовать остались. Завели они постоянную торговлю съ кочевыми ордами калмыковъ и жили съ ними всю зиму въ мирѣ.

Въ концѣ года прибыло въ Яикъ посольство съ Дона: привезли послы къ Разину увѣщательную царскую грамоту и порученіе отъ астраханскаго воеводы Хилкова.

Собрались казаки въ кругъ и выслушали грамоту, въ которой имъ совѣтовалось оставить «воровство» и вернуться на Донъ. Послѣ общаго совѣщанія Разинъ далъ по приговору круга уклончивый отвѣтъ, и больше ничего не добились отъ него посланцы. Отправилъ на него тогда Хилковъ товарища своего Безобразова съ ратными людьми; этотъ думалъ взять атамана и уговоромъ и силою, но погромилъ его Разинъ, а бывшихъ съ нимъ стрѣлецкихъ головъ повѣсилъ.

Въ мартѣ 1668 года сѣла вся дружина казацкая на суда и уплыла въ море, и цѣлый годъ не знали на Руси, куда они уплыли. Приходили слухи, что плаваютъ они по морю, что громятъ персидское царство, но никто не могъ сказать ничего рѣшительнаго.

А между тѣмъ на Дону движеніе не улеглось. Всѣ го
рили объ удачахъ Стеньки Разина и все, что сидѣло
въ праздности и мечтало о добычѣ, хотѣло или къ нему
стать, или пойти по его стопамъ на свой страхъ. Пріѣх
въ то время въ Астрахань новый воевода, бояринъ кн
Прозоровскій, и назначилъ онъ въ Яикъ казацкаго голо
взяли яицкіе жители присланнаго и ни съ того, ни съ с
утопили его въ рѣкѣ.

А на Дону собралась новая ватага, человѣкъ въ
выбрала себѣ атамана Сережку Кривого и затѣяла и
на соединеніе съ Разинымъ. Перешли они на Волгу
поплыли внизъ по Волгѣ въ Каспійское море. Воев
Прозоровскій послалъ на нихъ письменнаго голову
сентьева со стрѣльцами и пятью пушками. Разбилъ
режка государевыхъ людей, сто человѣкъ стрѣльцовъ
нему добровольно пристало, офицеровъ стрѣлецкихъ к
ки въ Волгѣ утопили и самъ голова еле въ Астрах
ушелъ. Нагналъ Сережка Разина и присоединился къ не

Осмѣлѣли послѣ этого казаки-разбойники. Всюду ст
составляться дружины и шайки. Всякій, видя общую без
казанность, начиналъ похваляться своимъ удальствомъ
стало совсѣмъ неблагополучно въ донскихъ и приволжски
степяхъ.

ГЛАВА VII.

А между тѣмъ Стенька со своею дружиною плав
по берегамъ Каспійскаго моря, громилъ прибрежныхъ
таръ и персовъ и бралъ себѣ въ добычу ихъ имущес

взятое дѣлилось сообща и поровну, чтобы въ самой агѣ не было взаимной обиды.

Напали они сначала на дагестанскихъ татаръ, которые сами занимались грабежомъ и торговлей рабами и авшихъ къ нимъ христіанъ насильно обращали въ магоанство. Жестоко погромили казаки весь берегъ Дербендо Баку: много селъ спалили они, много разорили, налц плѣнныхъ и большую добычу.

Въ городѣ Рештѣ казаки потерпѣли неудачу. Узнали, что ждетъ ихъ тутъ войско, и прикинулись, будто ятъ вступить въ подданство къ шаху персидскому. Повилъ имъ правитель Решта, заключилъ съ ними мировую устилъ въ городъ. Перехитрили персы казаковъ: выбравремя, когда гости пьяны напились, напали на нихъ сполохъ, перебили и перехватали около 400 человѣкъ. альные казаки спаслись на свои суда и поплыли дальше.

Приплыли они къ городу Фарбаху и рѣшили выместить сь свою неудачу. Объявилъ Разинъ жителямъ, что иплылъ онъ къ нимъ для торговли, и торговали казаки вно пять дней. Потомъ по данному знаку разомъ бросись на персовъ, многихъ перебили, набрали много плѣнковъ, богатствъ и сожгли увеселительные дворцы перскаго шаха, построенные на берегу моря.

Недалеко отъ Фарбаха осталась на островѣ ватага зиать, и устроилъ Разинъ обмѣнъ плѣнныхъ. Казаки али по одному персіянину за трехъ-четырехъ христіанъ,

и много освобожденныхъ изъ плѣна примкнули къ дружинѣ.

Надоѣло персидскому правительству терпѣть напа-нія казаковъ, и рѣшило оно наказать вольницу. Но пока оно строило флотъ, казаки весной переплыли на восточ-берегъ Каспія и погромили Трухменскіе берега. Тутъ зинъ потерялъ своего вѣрнаго товарища Сережку Крив-Затѣмъ ватага раскинула станъ на Свиномъ островѣ и времени до времени грабила прибрежныхъ жителей. іюлѣ показались персидскіе корабли: 70 судовъ и на н до 4, 000 войска. Завязалась битва, и разнесли казаки фл персовъ. Только съ тремя судами спасся ихъ предводит Менеды-ханъ, а сынъ его и дочь попали въ плѣнъ побѣдителямъ, и отдали донцы персидскую княжну наложницы своему атаману.

ГЛАВА VIII.

Въ августѣ 1669 года подплыли казаки къ устью Во и обобрали рыболовный учугъ астраханскаго митропол и два персидскихъ корабля: на одномъ были купече товары, а на другомъ дорогіе кони—подарокъ персидс шаха русскому царю. Узнали объ этомъ въ Астрахан выслали противъ Разина 36 струговъ и на нихъ 4000 стр цовъ подъ начальствомъ воеводы князя Львова. Вое имѣлъ съ собой милостивую царскую грамоту на слу если казаки принесутъ повинную.

Но казаки приносили повинную только въ видѣ хитрости. Когда они видѣли, что сила не на ихъ сторонѣ, что имъ все равно не сдобровать и что надо оттянуть время,— они вступали въ переговоры съ воеводами, шли на уступки и давали мирныя обѣщанія. А потомъ обманывали тѣхъ при первомъ удобномъ случаѣ и обходились съ ними какъ съ врагами.

Увидѣлъ Разинъ корабли Львова и пустился въ открытое море; долго гнался за нимъ воевода, наконецъ, усталъ и послалъ казакамъ милостивую грамоту. Начались переговоры. Прибыли къ Львову два казака и привезли повинную отъ всей ватаги. «Пушки вернемъ и служилыхъ отпустимъ въ Астрахань,—говорили они;—струги отдадимъ въ Царицынѣ, когда по Волгѣ доплывемъ до того мѣста, гдѣ надо будетъ на Донъ переволакиваться; но чтобы государь велѣлъ отпустить насъ на Донъ со всѣми пожитками».

Привелъ Львовъ посланныхъ къ присягѣ, и всѣ поплыли въ Астрахань: впереди воевода со своими судами, а сзади Разинъ съ разбогатѣвшей вольницей.

Прикинулись казаки сначала, будто вовсе покорятся воеводамъ и правительству: отдали 21 пушку, кое-кого изъ плѣнныхъ, отправили въ Москву выборное посольство изъ семи человѣкъ—государю челомъ бить, а воеводамъ поднесли богатые дары.

Десять дней стояли они подъ Астраханью и все время ходили по городу и вели переговоры съ воеводами. Про-

слышали воеводы, что не всѣхъ плѣнныхъ и не всѣ пушки отдалъ Разинъ, что много еще у казаковъ награбленнаго добра, и стали требовать у него остальное. Но атаманъ не сдавался. «Нельзя,—говорилъ онъ,—вернуть товары, они частью проданы, частью въ платье перешиты; нельзя и плѣнныхъ отдать—мы ихъ кровью и саблями добыли, а пушечки остальныя намъ для обороны въ степи нужны, и вернуть ихъ мы тоже не можемъ».

Уступили воеводы на казацкія отговорки: и раздражить боялись вольницу, и повѣрить имъ хотѣлось, да и подарки хорошіе имъ Разинъ подносилъ, не жалѣя. Затѣяли они было переписать казацкое войско, какъ изъ Москвы о томъ приказъ былъ. Но тутъ атаманъ воспротивился. Почуялъ онъ, что перепись ограничитъ его затѣи,—и народъ будетъ на счету, и имена станутъ извѣстны, да и прикрѣпленія государственнаго боялся,—и отказалъ воеводамъ. «По нашимъ казацкимъ правамъ,—сказалъ онъ, —не повелось казакамъ перепись дѣлать; ни на Дону, ни на Яикѣ того не было, и въ грамотѣ того не написано, что вы, воеводы, говорите». Боялись казаки крѣпостного уклада и не пошли на перепись. А воеводы и не настаивали. Привлекъ ихъ атаманъ щедростью, и пировали они съ нимъ по-пріятельски.

А казаки въ это время, разодѣтые въ шелковыя, бархатныя одежды, жемчугъ и драгоцѣнные камни, расхаживали по Астрахани и вели съ астраханцами бойкую торговлю. Сбывали они награбленныя матеріи втридешево и возбуждали въ народѣ всеобщую зависть и удивленіе.

Если быть безстрашнымъ и все себѣ позволить, если не брезговать грабежомъ и убійствомъ, то можно быть богатымъ и нарядньмъ,—вотъ какой урокъ извлекалъ для себя простой народъ изъ общенія съ казаками и тутъ же начиналъ вѣрить, что головорѣза всегда ждетъ счастье.

Самъ атаманъ отличался отъ прочихъ казаковъ особою щедростью. Шалыя деньги такъ и текли изъ его рукъ; направо и налѣво сыпалъ онъ серебромъ и золотомъ, и народъ начиналъ оказывать ему чуть ли не царское почтеніе. Одни снимали передъ нимъ шапку, другіе отвѣшивали даже земные поклоны; онъ и впрямь становился въ глазахъ толпы богатыремъ и героемъ. Слухи о немъ разносились по Дону и Поволжью, подвиги его преувеличивались и даже о разбойныхъ дѣлахъ его передавались цѣлыя легенды. Народъ сталъ величать его «батюшка Степанъ Тимофеевичъ». Дивились всѣ на богатое убранство его корабля, на пиры его и попойки. Изъ устъ въ уста передавали разсказъ о томъ, какъ онъ во время пира кинулъ съ корабля въ Волгу красавицу персидскую княжну и утопилъ ее, какъбудто хотѣлъ отблагодарить этимъ великую рѣку за свои удачи во время плаванія. Молва росла, и народъ начиналъ возлагать на лихого разбойничьяго атамана какія-то смутныя и несбыточныя надежды.

Въ сентябрѣ отправились казаки къ себѣ на Донъ со стрѣлецкими провожатыми. Захватили они съ собой, кромѣ рѣчныхъ струговъ, и морскіе корабли и поплыли къ Царицыну, чтобы оттуда черезъ Паншино пробраться на Донъ. По пути къ ватагѣ приставалъ простой народъ и

даже стрѣльцы, и Разинъ не выдавалъ ихъ воеводамъ. «Это у насъ, казаковъ, никогда не водилось,—говорилъ онъ,—чтобы бѣглыхъ выдавать; а кто къ намъ придетъ, тотъ воленъ, мы никого не силуемъ; хочетъ, пусть прочь идетъ».

Въ Царицынѣ къ Разину пришли казаки съ жалобой на злоупотребленія воеводы Унковскаго, чинившаго имъ всякіе поборы и утѣсненія. Атаманъ явился къ нему заступникомъ съ цѣлой толпой и котѣлъ его немедленно, безъ суда, наказать. Но воевода успѣлъ спрятаться. Не зная, на чемъ сорвать свой гнѣвъ, донцы разбили тюрьму и выпустили колодниковъ, и Разинъ ушелъ изъ Царицына съ угрозами.

А въ это время казаки напали на два купеческихъ судна, плывшихъ по Волгѣ, обобрали купцовъ, захватили сотника, который царскую грамоту везъ, и самую грамоту въ рѣку бросили.

Вскорѣ послѣ этого отъ Прозоровскаго изъ Астрахани явился къ Разину посланный съ требованіемъ выдать всѣхъ приставшихъ къ дружинѣ стрѣльцовъ, подъ угрозой царской немилости. Но Разинъ чувствовалъ уже свою силу и отвѣтилъ ему не хитростью, а дерзостью. Грубо напустился онъ на посланца воеводы.

«Какъ ты смѣлъ,—кричалъ онъ на него,—придти ко мнѣ съ такими рѣчами, чтобы я выдалъ друзей своихъ, которые ко мнѣ пристали ради любви и пріятельства. Ты

еще смѣешь грозить мнѣ немилостью. Хорошо. Скажи же своему воеводѣ, что я не боюсь ни его, ни кого-нибудь повыше его. Онъ теперь надѣется на свою силу и хочетъ со мной обращаться какъ съ холопомъ, когда я вольный человѣкъ. Я сильнѣе воеводы: погоди, вотъ я свижусь съ нимъ, и разсчитаюсь тогда».

Съ этимъ и ушелъ Разинъ на Донъ, и ясно было, что онъ таитъ въ себѣ новые замыслы.

ГЛАВА IX.

На Дону атаманъ разбилъ свой станъ на островѣ и устроилъ здѣсь изъ землянокъ городокъ Кагальникъ. Казаки не пошли въ Черкасскъ, гдѣ атаманствовалъ Корнило Яковлевъ, обвели свой городъ землянымъ валомъ и обосновались. И сталъ Кагальникъ настоящей станицей для всѣхъ бѣглыхъ и голодныхъ. Отовсюду стекались къ Разину и казаки, и холопы, и приходили съ Украйны даже запорожцы (днѣпровскіе казаки).

Молва о немъ разнеслась по всей Россіи, и бѣглецы стали соединяться вокругъ него. Казаки всѣхъ принимали, поили, кормили, давали оружіе и мѣсто. Атаманъ былъ со всѣми ласковъ и охотно дѣлился остатками персидской добычи. Онъ выписалъ изъ Черкасска свою семью и брата Фрола, а самъ туда не поѣхалъ. Онъ оставался въ Кагаль-

никѣ, жилъ въ простой землянкѣ и набиралъ себѣ большую ватагу.

Казаки въ это время никого не грабили и только усиленно къ чему-то готовились. Никто не зналъ, что затѣваетъ атаманъ, но всѣ довѣряли ему и были на-чеку. Переманилъ Разинъ къ себѣ черкасскихъ купцовъ, и тѣ стали охотно ѣздить въ Кагальникъ, такъ какъ казаки за все платили имъ чистой монетой.

Забезпокоились воеводы въ Астрахани, написали въ Москву, что де воръ-Стенька что-то затѣваетъ, и отправили бояре въ Черкасскъ посла Евдокимова съ грамотою, велѣвъ ему вывѣдать все о Стенькѣ. Рѣшили было домовитые казаки отправить въ отвѣтъ на грамоту свое посольство въ Москву, какъ вдругъ въ Черкасскъ свалился какъ снѣгъ на голову Разинъ со всей своей ватагой.

Мигомъ все перевернулось. Простые казаки встрѣтили Разина съ восторгомъ; атаманъ объявилъ имъ, что Евдокимовъ подосланъ лазутчикомъ, и на другой же день царскаго посла утопили. Напрасно Корнило Яковлевъ старался помѣшать: толпа не слушала его и явно переходила на сторону Разина. Онъ сталъ настоящимъ господиномъ въ Черкасскѣ и объявилъ всѣмъ, что думаетъ итти на Волгу и всѣхъ желающихъ зоветъ съ собой.

Тутъ пришло съ сѣвера извѣстіе, что въ Воронежской и Тульской губерніяхъ хозяйничаетъ шайка, составленная изъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, всего человѣкъ

500, которые подъ начальствомъ атамана Васьки Уса разоряютъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, подговариваютъ крестьянъ съ собою и похваляются еще худшими бѣдами служилому люду. Двинулся Разинъ къ Панщину вверхъ по Дону и соединился здѣсь съ Васькой. Собралось всего народу до 7 тысячъ, и рѣшили казаки итти къ Царицыну.

Лишь только ватага обложила Царицынъ, какъ пять человѣкъ измѣнниковъ прибѣжали оттуда къ Разину и объявили ему, сколько въ городѣ денегъ, какіе запасы и какъ построены укрѣпленія.

Сидѣлъ тогда въ Царицынѣ воевода Тургеневъ: заперъ онъ ворота, разставилъ стрѣльцовъ приготовился къ приступу. Но къ Разину явились еще пять человѣкъ царицынцевъ и просили разрѣшенія выходить изъ города за водой. «Уговаривайте воеводу,—сказалъ имъ Васька Усъ,—чтобы онъ отперъ городъ, а если онъ заупрямится, то вы сами отбейте замокъ и впустите насъ».

Боялись жители осады; поколебались они отъ уговоровъ, отперли ворота и впустили казаковъ. 13-го апрѣля Стенька въѣхалъ въ Царицынъ; духовенство приняло его съ почетомъ, жители устроили ему привѣтственное угощеніе, а воевода съ немногими преданными ему людьми заперся въ крѣпостной башнѣ. Въ городѣ начался общій пиръ, послѣ котораго башня была взята приступомъ и воевода утопленъ. Тутъ пришли съ двухъ сторонъ тревожныя вѣсти: съ юга надвигалась рать астраханскаго воеводы, а съ сѣверной плылъ на стругахъ отрядъ стрѣльцовъ

въ 1000 человѣкъ подъ начальствомъ Лопатина. Разинъ раздѣлилъ казаковъ на двѣ части и двинулся противъ Лопатина; часть плыла на стругахъ вдоль лугового берега, а часть двигалась по нагорной сторонѣ, и застали они стрѣльцовъ врасплохъ.

Стрѣльцы спокойно стояли въ семи верстахъ отъ Царицына, какъ вдругъ съ двухъ сторонъ на нихъ посыпались пули. Рѣшили они прорваться къ Царицыну и начали изо всѣхъ силъ грести, отстрѣливаясь. Но лишь только они подплыли къ городу, какъ оттуда въ нихъ хватили изъ пушекъ. Половину стрѣльцовъ перебили казаки, начальника отряда и офицеровъ утопили, а остальные со страху сами къ нимъ пристали. Забрали разбойники казенныя суда, а стрѣльцовъ обласкали и гребцами посадили.

Когда астраханскій воевода князь Прозоровскій узналъ объ успѣхахъ казаковъ, началъ спѣшно сооружать цѣлую эскадру и вооружилъ ее пушками. Онъ посадилъ на суда 2600 стрѣльцовъ и 500 вольныхъ людей, поручилъ начальство князю Львову, и двинулись 40 струговъ, вверхъ по Волгѣ. Кромѣ того, цѣлый полкъ сухимъ путемъ двинулся на помощь прежнему отряду.

А въ это время Разинъ послалъ въ Астрахань своихъ разсыльныхъ агентовъ, которые вездѣ сулили отъ его имени волю и равенство, и тѣмъ многихъ сбивали съ толку и склоняли къ измѣнѣ. Шептуны его рыскали всюду и подговаривали народъ и стрѣльцовъ приставать къ казакамъ.

И вездѣ эти люди дѣйствовали съ успѣхомъ. Недовольство жизнью и темнота были такъ сильны въ народѣ, что и молодые и старые готовы были вѣрить каждому новому слуху и надѣяться на каждое бунтовское движеніе. Въ народѣ и среди стрѣльцовъ воеводы стали замѣчать усиливающееся недовольство и броженіе. Имъ удалось поймать одного подстрекателя, и они повѣсили его передъ флотиліей для острастки недовольнымъ. И прежде смерти его истерзали пытками, думая подавить недовольство ужасомъ. Но застращиваніе не могло помочь. Недовольство было настолько сильно въ простомъ народѣ, что довольно было малѣйшей надежды на улучшеніе, чтобы непокорность проявилась на дѣлѣ.

Когда атаманъ узналъ въ Царицынѣ, что на него идетъ 40 кораблей, онъ собралъ кругъ и съ общаго согласія двинулся навстрѣчу.

Подъ Чернымъ Яромъ корабли встрѣтились, и тутъ произошло нѣчто такое, на что никто не разсчитывалъ. Едва Стенька Разинъ появился въ виду астраханскаго войска, какъ на всѣхъ казенныхъ судахъ вспыхнулъ мятежъ. Стрѣльцы и вольные, надѣясь найти въ Стенькѣ своего освободителя, бросились вязать своихъ начальниковъ.

Зналъ Разинъ эту вѣру простого народа и эту надежду его и всегда старался поддержать ее: въ томъ онъ видѣлъ источникъ своей славы, своей силы и безнаказанности.

«Здравствуйте, братья,—объявилъ онъ имъ;—мстите теперь вашимъ мучителямъ, что хуже турокъ держали васъ въ неволѣ; я пришелъ дать вамъ льготы на свободу. Вы мнѣ братья и дѣти, и будете вы такъ же богаты, какъ я, если останетесь мнѣ вѣрны и храбры».

Всѣхъ офицеровъ побросали въ воду стрѣльцы (уцѣлѣлъ только воевода князь Львовъ) и присоединились къ войску Разина. И стало ихъ тогда свыше 10 тысячъ.

ГЛАВА X.

Со взятія Царицына прошло не болѣе мѣсяца, а много событій случилось за это время, измѣнившихъ все положеніе. Чуть ли не на полгода обезпечили себя казаки отъ стрѣлецкихъ отрядовъ. Они взяли города Камышинъ и Черный Яръ, воеводъ утопили и вездѣ, какъ въ Царицынѣ, ввели упрощенное казацкое управленіе. Жители дѣлились на сотни и десятки, составляли кругъ и назначали себѣ атамана. Въ Царицынѣ Разинъ на кругу объявилъ свой планъ, состоявшій въ томъ, чтобы идти по Волгѣ вверхъ, брать города, нападать на воеводъ и помѣщиковъ, а затѣмъ двинуться на Москву. Казаки восторженно приняли его предложеніе, и тутъ же всюду во внутреннія губерніи были разосланы люди съ зажигательными письмами, въ которыхъ народъ призывался устранять воеводъ и помѣщиковъ, не платить податей и заводить у себя казацкое самоуправленіе. Это означало, въ сущности говоря, вы

ходъ изъ русскаго государства и раздробленіе его на множество мелкихъ, самостоятельныхъ городовъ, посадовъ и селъ. Казалось, что въ то время русскій народъ былъ склоненъ искать спасенія въ распадѣ и распыленіи.

Наконецъ, 18-го іюня рыбаки принесли въ Астрахань вѣсть, что Стенька Разинъ со своимъ войскомъ стоитъ подъ городомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ пришло въ Астрахань страшное извѣстіе объ измѣнѣ стрѣльцовъ, воевода Прозоровскій сталъ готовиться къ осадѣ города. Замѣчалъ онъ броженіе среди стрѣльцовъ, видѣлъ настроеніе жителей, которые подчасъ говорили о сочувствіи Разину, и понималъ, что спасти его могутъ только свѣжія силы, если онѣ придутъ изъ Москвы. Пробовалъ онъ посылать гонцовъ, да не доѣзжали они; а тутъ въ народѣ стали говорить о разныхъ предзнаменованіяхъ, агенты Разина обѣщали всѣмъ льготные годы, и броженіе усилилось.

За четыре дня до начала осады стрѣльцы пришли на [illegible] къ [illegible] и потребовали себѣ жалованье, которое [illegible] денегъ. Съ трудомъ [illegible] и уговаривалъ при этомъ «не [illegible] богоотступника Стеньки». Но [illegible] въ рядахъ стрѣльцовъ было уже [illegible] и исходъ событій былъ предрѣшенъ. Лишенные государственнаго смысла и пониманія, стрѣльцы [illegible] и ненадежною опорою порядка.

18-го іюня отъ Разина пришли двое посланныхъ—попъ и боярскій человѣкъ—съ предложеніемъ сдать городъ. Воевода, вмѣсто отвѣта, пыталъ обоихъ, ничего не добился, попа посадилъ въ тюрьму, а боярскаго человѣка казнилъ и сталъ дѣятельно готовиться къ приступу. Митрополитъ устроилъ крестный ходъ, а воевода осмотрѣлъ укрѣпленія, вооружилъ посадскихъ и разставилъ пушки.

20-го іюня Прозоровскій, опасаясь измѣны, призвалъ на митрополичій дворъ стрѣлецкихъ офицеровъ, начальникъ которыхъ былъ уже въ сношеніяхъ съ Разинымъ. Здѣсь митрополитъ увѣщевалъ ихъ сражаться мужественно и обѣщалъ имъ за это вѣчныя блага вмѣстѣ съ Христовыми учениками.

На слѣдующій день раздался набатъ, возвѣщавшій начало приступа, и воевода съ дворянами и дѣтьми боярскими стали у Вознесенскихъ воротъ. Но въ то время, когда они готовились встрѣтить отсюда осаждающихъ,—казаки съ другой стороны города подставляли лѣстницы, и стрѣльцы помогали имъ взбираться на стѣну. Вслѣдъ за тѣмъ раздались пять пушечныхъ выстрѣловъ, обозначавшихъ сдачу города, и началось нещадное избіеніе всѣхъ, кто почему-нибудь былъ неугоденъ погромщикамъ. Всѣ, кто былъ сколько-нибудь побогаче, или кто занималъ какую-нибудь служебную должность и кто могъ поэтому привлечь къ себѣ зависть или недоброжелательство голытьбы,—всѣ бросились спасаться; были и такіе, что защищались, и по городу шло большое кровопролитіе.

Самъ Прозоровскій былъ тяжело раненъ и успѣлъ олько причаститься; казаки и рядовые стрѣльцы перевязали всѣхъ оставшихся въ живыхъ и посадили возлѣ рама, ожидая суда. Явился атаманъ. Народъ встрѣтилъ го привѣтственными криками, и началась дикая расправа. оеводу сбросили съ раската и многихъ казнили.

Тутъ всякій вспоминалъ свои обиды, бывшія и воображаемыя; страсти расходились, народъ разсвирѣпѣлъ и неадно избивалъ всѣхъ, принадлежавшихъ къ высшему лассу. Правый и неправый гибли въ этой слѣпой и ослѣпленной бойнѣ. Нѣсколько дней продолжалась жестоя расправа. Всѣ лавки были опустошены, купцы перекты, всѣ богатства изъ церквей вынесены, всѣ товары ожены въ одно мѣсто—и начался общій раздѣлъ поровну. осле суда атаманъ велѣлъ вынести на площадь изъ призной палаты всѣ бумаги и дѣла и сжегъ ихъ всенародно. отъ такъ же,—похвалялся онъ,—я сожгу всѣ дѣла нарху у государя». А народъ, видя это, радовался, ибо малъ, что вся бѣда въ писанныхъ документахъ и что требить ихъ, значитъ перестроить жизнь по-новому.

Вслѣдъ затѣмъ въ Астрахани было введено казацкое тройство. Жители раздѣлились на тысячи, сотни и детки; дѣлами сталъ управлять кругъ или народное собра: съ выборными атаманами, есаулами, сотниками и десниками.

Но страсти не могли скоро улечься. Тяга къ междуобію жила въ народѣ; да и боялись, что за месть придетъ

отвѣтная месть и за расправу—отвѣтная расправа. Ж
тели нѣсколько разъ приходили къ Разину и говори
«Многіе изъ приказныхъ людей и дворянъ схоронили
вели ихъ отыскать и побить; а то, какъ будетъ присыл
отъ государя въ Астрахань,—они станутъ намъ перв
враги».

Однако Разина влекло уже дальше. Не сидѣлось
въ Астрахани.

«Когда я уѣду изъ Астрахани, тогда дѣлайте, что
тите», — отвѣчалъ онъ имъ.

Атаманомъ въ городѣ былъ посаженъ Васька Усъ
подъ начальство его стала половина казаковъ астрах
скихъ и стрѣльцовъ московскихъ.

И по уходѣ Разина въ Астрахань осталось казац
устройство. Но продержалось оно всего пять мѣсяце

ГЛАВА XI.

Слишкомъ три недѣли пробылъ Разинъ въ Астрах
и въ серединѣ іюля двинулся вверхъ по Волгѣ. Жел
щихъ итти съ нимъ было около 10 тысячъ; плыли
на двухстахъ судахъ, да по берегу шла конница ч
ломъ 2000.

Первый городъ, который предстояло взять Разину, б
Саратовъ. Жители сдали Саратовъ безъ всякаго сопр

вленія. Воеводу Лутохина утопили, чиновниковъ и приказныхъ перебили, а имущество ихъ разграбили и раздѣлили. Въ городѣ ввели казацкое устройство и выбрали атамана.

Разинъ двинулся дальше и подступилъ къ Самарѣ. Здѣсь были двѣ партіи: одни стояли за воеводу, другіе за присоединеніе къ казакамъ. Когда появилось за стѣнами войско, въ городѣ началось междоусобіе, но сторонники бунта оказались сильнѣе, и ворота были отперты.

И здѣсь была произведена такая же расправа, какъ въ Саратовѣ: воевода утопленъ, приказные перебиты, имущество ихъ подѣлено и въ городѣ введено казацкое устройство.

Въ первыхъ числахъ сентября войско атамана стало подъ Симбирскомъ. Городъ былъ сильно укрѣпленъ, и сидѣлъ въ немъ бояринъ Милославскій, съ нимъ много стрѣльцовъ и дворянъ. Впереди былъ посадъ съ острогомъ, обведенный рвомъ и стѣною. Лишь только показался атаманъ, жители посада впустили казаковъ въ ворота, отперли острогъ и передались на его сторону. Но не такъ легко было взять самый городъ, и Разинъ сталъ готовиться къ осадѣ.

Укрѣпили казаки посадъ, разставили пушки и стали метать въ городъ горючія вещества, стараясь произвести пожаръ. Милославскій отсиживался, тушилъ начинавшіеся пожары и посылалъ въ Казань гонцa за гонцомъ, прося о помощи. Но гонцы не доѣзжали, и положеніе его станови-

лось тяжелымъ. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ; войско Разина все увеличивалось, къ нему отовсюду стекались бѣглые крестьяне и возставшіе инородцы (черемисы, мордва, башкиры).

Но вотъ въ началѣ октября показалась помощь; съ сѣвера шелъ окольничій князь Барятинскій съ большою стрѣлецкою ратью. Провѣдалъ Разинъ, по какому пути идетъ рать, и выступилъ ей навстрѣчу. Сошлись два войска въ жестокой битвѣ. Трудно было необученному люду бороться съ солдатами, изъ которыхъ нѣкоторые были обучены какъ слѣдуетъ ратному дѣлу. Казаки Разина могли побѣждать только тогда, если въ лагерѣ стрѣльцовъ была измѣна или если они нападали на стрѣльцовъ въ подавляющимъ числѣ. Войско Разина всегда оставалось не болѣе, какъ сборною ватагою, и настоящаго боя оно выдержать не могло. И потерпѣло оно, какъ и слѣдовало ждать, тяжелую неудачу. Отступили они къ острогу, а Барятинскій взялъ четыре пушки и 120 плѣнныхъ, которыхъ и велѣлъ немедленно повѣсить. Вскорѣ послѣ того Барятинскій подошелъ къ Симбирску черезъ рѣку Свіягу и освободилъ Милославскаго: казаки не могли ему помѣшать.

Наступила ночь, и Разинъ пошелъ на приступъ; тогда воеводы, желая отвлечь его вниманіе, послали ему въ тылъ цѣлый полкъ и обманули вольницу. Подумали казаки,что пришла новая рать, что они окружены со всѣхъ сторонъ и собрались на тайное совѣщаніе. Тутъ-то и обнаружилось наглядно, кто они и чье дѣло отстаиваютъ. Рѣшили они уйти потихоньку, не сказавшись простому люду,—

ѣглымъ крестьянамъ, довѣрчиво приставшимъ къ нхъ ..а:ѣ. Побоялись казаки, что не выдержать они боя и то разобьютъ ихъ окончательно; а судьба бѣглаго люда хъ не безпокоила: убѣгутъ ли назадъ, откуда прибѣжали, ли будутъ пойманы и повѣшены крестьяне,—не все ли авно, когда надо было свою шкуру спасти. И ушелъ Степанъ Тимофеевичъ по-предательски, никому не сказавшись: сѣли на суда и уплыли внизъ по Волгѣ.

На-утро увидѣли остальные, что казаки ушли, и бросились въ дикомъ страхѣ и давкѣ занимать оставшіяся суда и спасаться. Пустились за ними стрѣльцы и дворяне въ погоню и многихъ перекрошили и утопили. Рѣзня была страшная. Многихъ въ плѣнъ побрали воеводы начали чинить надъ взятыми расправу безъ суда и слѣдствія. Больше шестисотъ человѣкъ казнилъ Барятинскій; оворятъ, весь берегъ Волги былъ уставленъ висѣлицами, ругихъ четвертовали и разстрѣливали...

ГЛАВА XII.

Такимъ образомъ, нападеніе на Симбирскъ кончилось олной неудачей для казаковъ; съ побѣдой Барятинскаго, оторая, по мнѣнію историка, спасла русское государство, ѣйствія ихъ по средней Волгѣ должны были прекратиться. Но съ самимъ бунтомъ далеко еще не было покончено. Напротивъ, теперь-то онъ началъ расходиться волнами о всѣ стороны.

Мы видѣли, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ жилъ русскій простолюдинъ и какъ легко онъ проникался рѣшеніемъ итти на что угодно, только бы выйти изъ невыносимаго положенія. Мы видѣли, какъ много было на Руси бѣглыхъ и скрывающихся, какъ мало понималъ простой народъ свое положеніе и средства помочь бѣдѣ, какъ довѣрчиво относился онъ ко всякимъ слухамъ и обѣщаніямъ и какъ онъ ждалъ спасенія не отъ государственнаго переустройства и не отъ справедливыхъ законовъ, а отъ бунта и возстанія.

Мы можемъ поэтому легко представить себѣ, какъ долженъ былъ отнестись простой народъ къ воззваніямъ и посуламъ Стеньки Разина. Въ этихъ грамотахъ атаманъ извѣщалъ, что онъ идетъ истребить бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, искоренить всякое чиноначаліе и власть, установить по всей Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ».

«Я не хочу быть царемъ,—писалъ онъ,—хочу жить съ вами какъ братъ».

Посланные отъ Разина бродили по нынѣшнимъ губерніямъ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, проникали въ Москву и въ Новгородскія земли и даже къ Бѣлому морю. Вездѣ обѣщали они льготные годы и проповѣдывали полное уничтоженіе властей.

Поднять народъ въ то время было не трудно: недовольство тяжелымъ государственнымъ гнетомъ и несправедли-

ымъ хозяйственнымъ укладомъ было и безъ того велико, а грамоты Разина разжигали слѣпую вѣру въ то, что достаточно кого-то истребить, что-то сжечь, объявить всеобщее равенство—и бѣдѣ придетъ скорый и радостный конецъ. Не понималъ народъ, что на мѣсто истребленныхъ придутъ новые люди, вмѣсто сожженныхъ бумагъ будутъ написаны новыя, а вмѣсто разоренныхъ зданій будутъ построены другія; что объявленное равенство сейчасъ же само уничтожится благодаря различному поведенію «уравненныхъ» людей; что уничтожить власть значитъ уничтожить государственное единство и предоставить раздробленную Русь на потокъ и разграбленіе сосѣдямъ. Не понималъ этого народъ и широко отзывался на призывъ Разина стихійнымъ возстаніемъ. Одни расправлялись съ воеводами и вводили казачину; другіе жгли усадьбы помѣщиковъ и не платили оброковъ; третьи бросали всѣ дѣла и присоединялись къ самому атаману. Пошли вздорные слухи о самозванцахъ. Говорили, что съ Разинымъ идетъ на Москву только-что умершій царевичъ Алексѣй, сынъ Алексѣя Михайловича; что онъ вовсе не умеръ, а бѣжалъ отъ козней бояръ и гнѣва отца и долженъ теперь сѣсть на престолъ; другіе говорили, что атаманъ укрылъ у себя низверженнаго царемъ патріарха Никона, который теперь и ѣдетъ съ нимъ на кораблѣ, обитомъ чернымъ бархатомъ... Мечта народная разукрашивала возстаніе вымыслами и сказками, и простой людъ стекался со всѣхъ сторонъ къ атаману.

Такъ было до симбирскаго пораженія.

Теперь, когда Разинъ былъ разбитъ и бѣжалъ на Донъ, мятежъ разлился съ новой силой. Казаки партіями раз-

брелись повсюду и разносили повсемѣстно слухи и брожение; присоединяться было уже не къ кому, и каждый началъ дѣйствовать за свой страхъ; волненіе росло съ каждымъ днемъ.

Агитаторы (подстрекатели) ходили изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ города въ городъ и увлекали народъ къ бунту. Люди составляли кругъ, чинили расправу надъ неугодными лицами и выбирали «своихъ». Иногда партіи собирались въ большіе отряды, и тогда воеводамъ приходилось выдерживать настоящія сраженія.

Начальство надъ всѣми войсками, укрощавшими возстаніе, было поручено князю Долгорукому, и онъ вмѣстѣ съ Барятинскимъ дѣятельно принялся за усмиреніе. Но имъ пришлось порядочно повоевать: пока они усмиряли народъ въ одномъ уѣздѣ, въ трехъ другихъ мѣстахъ вспыхивалъ мятежъ; добирались они и сюда—снова возставали разъ уже покоренные. Тогда воеводы прибѣгали къ жестокимъ мучительствамъ и казнямъ, и непокорные расплачивались имуществомъ, кровью и жизнью.

Разбивъ Разина подъ Симбирскомъ, Барятинскій прежде всего двинулся въ Алатырскій уѣздъ, гдѣ господствовали возставшіе; тутъ ему пришлось выдержать бой съ пятнадцатитысячнымъ ополченіемъ и даже понести немалыя потери. Но въ концѣ-концовъ ополченіе было разбито на-голову, и началось жестокое преслѣдованіе. «За трупами нельзя было проѣхать, доносилъ потомъ воевода,—а крови пролилось столько, какъ-будто отъ дождя большіе ручьи протекли».

Часть плѣнныхъ воевода казнилъ, и Алатырь сдался.

Въ это время движеніе распространилось по сѣвер-ымъ уѣздамъ. Въ Козьмодемьянскѣ къ мятежнымъ кре-тьянамъ пристали посадскіе, стрѣльцы и пушкари, вое-оду и подъячаго убили, выбрали старшину, атамана, освобо-или колодниковъ и вооружились. Въ городѣ Василѣ вое-ода, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ, а жители подѣлили ежду собой казну и сожгли все дѣлопроизводство и цар-кія грамоты. То же самое повторилось въ городѣ Ядринѣ.

Народъ волновался, бунтъ увлекалъ посадъ за поса-омъ, но все это было безнадежно. Вооруженіе было лохое, воевать жители не умѣли. Движеніе вообще дѣлало рупные успѣхи только тогда, когда къ нему присоединя-нсь стрѣльцы.

Пришелъ Барятинскій съ обученными солдатами, и горо-а сдались одинъ за другимъ. Воевода казнилъ смертью 0 человѣкъ, у ста человѣкъ отрубилъ по одному пальцу, другихъ совсѣмъ отсѣкъ руки, а 400 человѣкъ нещадно аказалъ кнутомъ.

Распространяясь на югъ, броженіе достигло двухъ боль-иихъ селъ на Волгѣ—Лыскова и Мурашкина.

Началось съ того, что двадцать человѣкъ жителей обрались въ кругъ по-казацки и отправили посланнаго ъ Симбирскую губернію къ атаману Максиму Осипову росить его пріѣхать и установить у нихъ вольное упра-

вленіе. Атамана встрѣтили съ крестами и образами
привѣтствовали радостными криками. Были и такіе, кот
рые не сочувствовали безпорядку и удалились въ Макарье
скій монастырь, гдѣ и заперлись съ монахами.

На общемъ совѣтѣ было рѣшено не оставлять в
монастырѣ сторонниковъ порядка и овладѣть обителы
Сначала дѣйствовали уговорами; но монахи боялись
цѣлость монастырскихъ сокровищъ и послали въ Ни
ній просьбу о помощи. Тогда приступили къ правильн
осадѣ монастырскихъ стѣнъ. Монахи съ помощью купцов
сложившихъ въ монастырѣ свои товары, и посадскихъ о
стаивали вмѣстѣ богатую обитель, но, наконецъ, нап
ганные подошедшей къ ватагѣ помощью, разбѣжалис
Обитель была взята и разграблена. Бунтовщики забра
все имущество, казну и товары и подѣлили между собо

Тутъ нагрянулъ посланный Долгорукимъ воевода кня
Щербатовъ со стрѣльцами, разбилъ непокорныхъ и
чалъ расправу. Однихъ вѣшалъ, другихъ сажалъ на кол
иныхъ прибивалъ гвоздями къ doскамъ или раздира
крючьями и засѣкалъ до смерти.

Послѣ казней Щербатовъ двинулся къ Нижнему. Сю
собралось много возставшаго народа съ Оки и Вол
обложили городъ кольцомъ и собирались его взять.
тѣмъ временемъ ловили въ окрестностяхъ помѣщиковъ
чиновниковъ и чинили надъ ними самовольную распра

Щербатовъ разгромилъ ихъ рать. Бѣглецы разбѣгал

губерніи, и вмѣстѣ съ ними распространился бунтъ по селамъ и деревнямъ.

Въ это время князь Долгорукій, стоявшій со стрѣльцами въ Арзамасѣ, услыхалъ, что неподалеку собралось большое войско мятежниковъ,—тысячъ около пятнадцати. Выступилъ воевода противъ нихъ и далъ имъ битву. Четыре раза сходились обѣ войска, но, наконецъ, стрѣльцы взяли верхъ. Плохое вооруженіе, отсутствіе воинской дисциплины и ратная необученность не давали бунтовщикамъ возможности сопротивляться въ открытомъ бою. Побѣдители захватили шесть пушекъ и много плѣнныхъ, привели захваченныхъ въ Арзамасъ и начали судить и казнить. Съ пытки всѣ плѣнные показывали, что собирались они взять Москву и всѣхъ бояръ, дворянъ и приказныхъ людей перебить на-смерть.

«Страшно было смотрѣть на Арзамасъ,—говоритъ современникъ:—его предмѣстья казались совершеннымъ адомъ; повсюду стояли висѣлицы и на каждой висѣло по сорока и пятидесяти труповъ; тамъ валялись разбросанныя головы и дымились свѣжей кровью; здѣсь торчали колья, на которыхъ мучили преступниковъ, и часто они были живы по три дня, испытывая неописанныя страданія».

Но и такія казни не могли подавить возстаніе сразу. Бунтъ, какъ зараза, перекидывался сразу во много мѣстъ, и страхъ не могъ погасить неудовольствія. Правительство не понимало какъ слѣдуетъ положенія вещей и не могло

придумать ничего, кромѣ кроваваго подавленія. Долгор
кому скоро пришлось итти покорять Тамбовъ и Пенз
Здѣсь движеніе распространилось съ особенной сило
Чуть не всѣ уѣзды и города приняли въ немъ участіе
вооружились чѣмъ попало.

Началось съ города Корсуня, куда изъ-подъ Симбі
ска пришелъ атаманъ Мишка Харитоновъ съ отрядом
и объявилъ общую цѣль движенія: брать города и би
воеводъ и служилыхъ. Жители города пристали къ нем
устроили казацкій кругъ и предали смерти воеводу, под
ячаго и стрѣлецкаго голову. Потомъ толпа двинулась к
Саранску, гдѣ жители немедленно казнили воеводу и об
явили себя на сторонѣ Разина.

Тогда Харитоновъ со своимъ ополченіемъ пошелъ
Пензѣ; лишь только завидѣли пензяки его знамена, взбунт
вались, перебили воеводу и служилыхъ и устроили каз
чину. Здѣсь Харитоновъ соединился съ саратовскимъ ат
маномъ Васькой Федоровымъ, и оба вмѣстѣ двинулись к
городу Нижнему-Ломову.

Мѣстный воевода Андрей Пекинъ видѣлъ, что у не
нѣтъ войска для того, чтобы оказать сопротивленіе,
не бѣжалъ, а остался на своемъ посту. Незадолго пер
тѣмъ онъ писалъ воеводѣ Якову Хитрово, сидѣвшему в
Шацкѣ: «Поминай меня убогаго, да и великому государ
извѣсти, чтобы указалъ въ синодахъ записать съ жено
и дѣтьми». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько време
бунтовщики овладѣли городомъ и убили его, вздерну
на копья.

Въ Верхнемъ-Ломовѣ бунтовщики объявили «льготные оды», сожгли царскія грамоты и дѣловыя бумаги и ввели азацкій строй.

Тутъ пристали къ движенію Темниковскій, Кадомскій Тамбовскій уѣзды. Крестьяне подъ начальствомъ попа Саввы и старицы Алены составляли отряды, жгли и грабили, устраивали засѣки въ лѣсахъ для встрѣчи ратныхъ людей; ри этомъ они, подражая другимъ, объявляли себя «казаами» и устраивали у себя «казачину».

Но и это движеніе было съ самаго начала обречено а неудачу. Никто не понималъ, къ чему надо стремитья и въ чемъ задача движенія. Не было ни единаго плана, и организаціи, ни вооруженія. Казалось, что стоитъ тольо сдѣлать то, что дѣлаютъ другіе, когда «бунтуютъ», и ачнется новый порядокъ. А между тѣмъ безпорядокъ осъ и расправа была не за горами.

Съ трехъ сторонъ двинулись воеводы укрощать возтавшихъ. Харитонова и Федорова разбилъ нѣсколько разъ оевода Хитрово, Щербатовъ овладѣлъ Ломовымъ, а Долорукій двинулся въ Темниковскій уѣздъ. Жители, слыша, то на нихъ идетъ большое войско, робѣли, выходили австрѣчу съ образами и, перетрусивъ, выдавали зачинциковъ. При этомъ воеводы вѣшали этихъ зачинщиковъ о проѣзднымъ дорогамъ, иногда человѣкъ по пятидесяти, прочихъ приводили къ присягѣ. Если же они встрѣчали опротивленіе, то прибѣгали къ жестокимъ пыткамъ и азнямъ.

Такъ, сожгли заживо старицу Алену въ Темниковѣ
въ Тамбовскомъ уѣздѣ нѣкоторымъ отсѣкли руки и но
и пустили для устрашенія; безчисленное множество кр
стьянъ было наказано кнутомъ. Многихъ воеводы въ наказ
ніе переписывали изъ крестьянъ въ холопы, а иногда пр
давали цѣлыя села огню и пускали жителей по міру.

Иностранцы говорятъ, что въ это время погибло от
казней до ста тысячъ человѣкъ.

Еще вспыхнуло возстаніе на югѣ въ Коротоякѣ
Острогожскѣ, на сѣверѣ и Галицкомъ уѣздѣ за Волгою
добралось движеніе и до Соловецкой обители, гдѣ дв
казаковъ учили монаховъ не повиноваться церкви и
считать царя государемъ.

Но это были уже слабые отклики.

Въ Астрахани дольше всего продержалось казацк
управленіе, но и астраханцы сдались, наконецъ, Милосла
скому, когда увидали, что возстаніе кончается, залит
кровью замученныхъ. При этомъ бояринъ обѣщалъ всѣм
отъ имени царя прощеніе и помилованіе. Однако и здѣ
черезъ полгода была произведена жестокая расправа,
этимъ движеніе могло считаться окончательно разда
леннымъ.

Трудно сказать, какъ далеко могли пойти его успѣх
Мы знаемъ изъ исторіи объ удивительномъ сочувстві
которое встрѣчали казаки въ населеніи. Дошло до тог

о въ самой Москвѣ стали говорить, что Стенька вовсе воръ и что, въ случаѣ если онъ придетъ въ Москву, о нужно встрѣтить хлѣбомъ-солью. Но дѣло было прорано.

Разину, дѣйствительно, суждено было въѣхать въ Москву, но не побѣдителемъ, а плѣнникомъ.

Посмотримъ, какова была его участь.

ГЛАВА XIII.

Послѣ симбирскаго пораженія атаманъ не потерялся. аратовцы и самарцы не пустили его къ себѣ въ городъ, асаясь погрома отъ воеводъ, и скрылся онъ съ вѣрны ему донцами въ своемъ земляномъ городкѣ.

Снова разослалъ онъ повсемѣстно свои воззванія, поалъ о себѣ вѣсть въ Астрахань и началъ готовиться новому походу. Но казаки были напуганы его пораніемъ, и въ Черкасскѣ партія домовитыхъ во главѣ Корниломъ Яковлевымъ брала верхъ. Двинулся Ранъ къ Черкасску, но его туда не пустили; казаковъ него было немного, и пришлось ему уйти къ себѣ, ограчившись угрозами.

Сталъ онъ набирать новую ватагу и въ это время знилъ смертью нѣкоторыхъ враговъ изъ числа домотыхъ, попавшихъ къ нему случайно въ руки.

Разсердились на Стеньку домовитые казаки и посла[…] въ Москву просьбу прислать имъ помощь для распра[…] съ нимъ.

Рѣшили въ Москвѣ дать Корнилу Яковлеву стрѣл[…]цовъ, а Разина и его единомышленниковъ для отвлеч[…]нія отъ нихъ народнаго сочувствія предать церковно[…] проклятію.

Въ апрѣлѣ 1671 года двинулись домовитые изъ Че[…]касска къ Кагальнику, взяли его, разорили, перевѣша[…] всѣхъ сообщниковъ Разина, а самого атамана и его бра[…] Фрола отправили въ цѣпяхъ въ Москву.

4-го іюня Разина ввезли въ столицу на телѣгѣ, пр[…]кованнаго цѣпью за шею къ перекладинѣ висѣлицы. Тол[…] народа сопровождали атамана до самаго земскаго прика[…] Тутъ обоихъ братьевъ подвергли жестокой пыткѣ. Н[…] Степанъ молчалъ, и отъ него не добились ни слова.

Черезъ два дня его казнили на Лобномъ мѣстѣ четверт[…]ваніемъ, а брата его сослали въ вѣчное заточеніе.

Такъ кончилась жизнь этого человѣка, о которо[…] доселѣ трудно сказать вполнѣ вѣрное и справедливое слов[…] Народная молва разукрасила его жизнь и дѣятельнос[…] легендами, полными удивленія и сочувствія. До сихъ по[…] живы былины, пѣсни и сказанія, посвященныя ему и е[…] товарищамъ, передающія много поэтическаго вымысла […] небывальщины.

Но настоящій смыслъ бунта мало кому ясенъ; и тотъ, кто захочетъ понять эту страницу изъ жизни русскаго народа, тотъ долженъ много и долго подумать надъ причинами и результатами всего движенія.

Тогда онъ увидитъ, что бунтомъ нельзя перестроить государства; что страстная злоба и жажда мести всегда были плохими совѣтчиками и что государственный укладъ можно исправить только дружной, планомѣрной и организованной борьбою за новые, справедливые законы.

